А. Р. Юсупова

НАСЛЕДИЕ

Что, если будущее даст шанс начать сначала?

А Юсупова
Наследие

https://litres.ru/74936888
SelfPub; 2026

Аннотация

«Наследие»: философский роман о том, что делает нас людьми.

Двое людей просыпаются на берегу незнакомого моря: мужчина и женщина, без имён и без прошлого. Вокруг дикая земля, и никто не объяснит, как они здесь оказались и зачем.

Выжить им помогает старик-путеводитель. Но главное испытание ждёт их впереди, среди людей, которые встретили чужаков копьями.

В мире, где еды мало, а голод легко превращается в страх, приходится решать: делиться или забирать, помогать или отвернуться. Каждый выбор оставляет след.

Что, если будущее даст шанс начать сначала?

Содержание

ПРОЛОГ. Конец, который уже случился 5
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Незнакомая Земля 11
ГЛАВА ВТОРАЯ. Когда наступает темнота 17
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Первый рассвет 29
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. Искра 43
ГЛАВА ПЯТАЯ. То, что остаётся 55
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Мир, которому нет дела до человека 66
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Цена сострадания 77
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Чужая боль 93
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Наследство 99
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Ближе, чем вчера 113
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. За пределами известного 125
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Голос издалека 134
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. За пределами убежища 145
Конец ознакомительного фрагмента. 152

А Юсупова
Наследие

«Возможно, у Вселенной никогда не было начала. Возможно, мы просто ещё не дошли до места, где кончается её прошлое».

ПРОЛОГ. Конец, который уже случился

Когда человечество научилось измерять время, ему показалось, что оно его понимает.

Когда научилось переплавлять материю, решило, что постигло устройство мира.

А когда одолело старость, поверило, что однажды одолеет и смерть.

Оно ошиблось.

Путь от первых костров до звёздных станций занял тысячелетия. К сорок второму веку люди жили по восемь, а то и по девять столетий. Болезни, когда-то уносившие миллионы, остались на страницах учебников. Больные органы выращивали в лабораториях, клетки обновляли, и старость стала ещё одним процессом, которым можно управлять.

Люди больше не боялись умереть слишком рано.

Они боялись другого.

Не успеть.

Города тянулись к небу исполинскими башнями. Над ними текли потоки летающих машин, а искусственный разум вошёл в жизнь так глубоко, что о нём перестали говорить, как не говорят о воздухе. Человек покинул родную планету и рассыпал по соседним мирам свои исследовательские стан-

ции. Казалось, не осталось преград, которые нельзя одолеть.

Лишь одна загадка по-прежнему не давала людям покоя: Вселенная. Откуда она взялась, по каким законам живёт, где кончается. Чем больше открывала наука, тем больше вопросов вставало за каждым ответом.

Но пока человечество вглядывалось в глубины мироздания, что-то неладное случилось с его собственным домом.

Земля, колыбель жизни, пристанище бесчисленных поколений и сменявших друг друга цивилизаций, начала умирать.

Сначала этого почти не замечали. Учёные били тревогу задолго до того, как тревога стала видна глазу, но людям казалось, что у них есть всё: знания, силы, время. Что любое препятствие можно обойти.

Оказалось, не любое.

Люди умели строить искусственные миры и удерживать жизнь на орбитальных станциях. Но ни один рукотворный мир не мог заменить Землю. В нём не было того, что у неё было от рождения, — живой, естественной гармонии.

Человечество освоило почти всё. Кроме самого главного: сберечь свой дом.

И настал день, когда расчёты сошлись в одной точке. Земля больше не могла оставаться домом для людей. Не когда-нибудь. Не в далёком будущем, о котором можно спорить за чаем. Времени почти не осталось.

И тогда, перед лицом конца, у погибающей цивилизации

остался один-единственный вопрос. Самый простой из всех.

Почему?

Люди прошли путь в несколько десятков тысяч лет. Победили болезни, старость, расстояния. Они считали себя высшими существами этого мира. Так почему же именно с ними случилось это?

Быть может, ответ скрывался там, где никто не думал его искать.

Быть может, чтобы найти выход из будущего, нужно вернуться к началу.

Глубоко под землёй, в одном из последних действующих научных центров планеты, собрались люди, которым предстояло принять решение. Они не были правителями мира. Среди них не было ни избранных богами, ни героев, отмеченных судьбой.

Это были учёные.

Люди, всю жизнь искавшие ответы и вдруг понявшие, что ответ на главный вопрос может оказаться страшнее самого вопроса.

На огромном экране медленно вращалась модель пространства-времени. В её центре была Земля. Вокруг неё проступали линии, которых там быть не должно.

Одна из исследовательниц долго смотрела на экран, потом повернулась к коллегам.

— Расчёты проверены?

— Семьсот двенадцать раз.

— Независимо?

— Разными группами, на разных установках. Результаты совпадают.

Она снова взглянула на экран.

— Значит, это не ошибка.

— Нет.

— И мы можем это сделать?

Учёный напротив ответил не сразу.

— Можем попытаться.

— А если получится?

Он поднял глаза.

— Тогда нам придётся пересмотреть всё, что мы знаем о самих себе.

В зале стало тихо.

На экране линия, уходившая от Земли, изгибалась, возвращалась назад и смыкалась с собственной начальной точкой.

Не спираль.

Не бесконечная прямая.

Круг.

— Если мы отправим людей туда, куда указывает расчёт, — медленно сказал кто-то из учёных, — они смогут выжить.

— Возможно.

— И человечество продолжится.

— Возможно.

— Тогда в чём проблема?

Учёный посмотрел на неё.

— В том, что мы не знаем, кто отправил их туда до нас.

Никто не шелохнулся.

— Что ты имеешь в виду?

Он увеличил изображение. На экране проступили данные, полученные всего несколько часов назад. Сигнал был слабый, по всем признакам древний и совершенно невозможный с точки зрения привычных моделей причинности.

Но он существовал.

И шёл не из далёкого космоса. Он шёл от самой Земли, из её прошлого. Из времени, когда на планете ещё не было человеческой цивилизации.

— Это невозможно, — тихо сказала исследовательница.

— Я тоже так думал.

— Может быть, мы неверно определили источник?

— Мы проверили.

— Тогда что это?

Учёный погасил изображение.

— Я не знаю.

Впервые за много столетий человечество встало перед вопросом, на который не мог ответить даже самый совершенный прибор. Люди знали, сколько живёт звезда. Знали, как устроена клетка. Знали, как пройти от планеты к планете. Но не знали, что случится, если прошлое окажется не тем, чем они его считали.

В тот день утвердили проект. Ему дали короткое имя:

«Начало».

Никто в зале не заметил иронии. Они ещё не знали, что начало, которое они задумали, однажды станет концом их собственной истории.

Или, быть может, наоборот.

* * *

На берегу древнего моря стояли двое, мужчина и женщина.

Лёгкие белые одеяния из неведомой ткани, простые, почти невесомые, без украшений и знаков отличия. Он был высок и строен, с крепкой, сильной фигурой. Ветер чуть шевелил её волосы.

Они смотрели на мир, которого не знали.

Море переливалось в лучах солнца, и небольшие волны одна за другой накатывали на широкий песчаный берег. Вдали поднимались скалы, изрезанные ветрами и временем, а за ними начиналась густая зелень: деревья и растения, у которых ещё не было имён. Тёплый воздух пах морем, влажной землёй и листвой. Где-то в глубине леса перекликались птицы.

Море. Песок. Скалы. Зелень.

И всё это казалось странно знакомым.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.
Незнакомая Земля

Какое-то время они просто стояли и молчали.

Перед ними лежало море. Солнечные блики дрожали на воде, рассыпаясь тысячами крошечных отражений. Волны лениво выползали на берег и оставляли на влажном песке тонкую белую кайму пены. Чуть дальше темнели скалы, а за ними начиналась густая зелень, уходившая вглубь чужой земли.

Всё вокруг жило своей жизнью.

Ветер перебирал листву, в зарослях перекликались птицы, над водой кружили маленькие тёмные силуэты. Воздух пах солью, сырой землёй и травой, нагретой солнцем.

Мужчина медленно повернул голову, оглядывая берег. Потом обернулся туда, где за полосой песка начинался лес.

Он будто ждал увидеть хоть что-нибудь: знак, постройку, след, который объяснил бы, как он здесь оказался.

Но ничего не было.

Только природа, первозданная, безмолвная, равнодушная к их присутствию.

Тогда он повернулся к женщине, словно только сейчас по-настоящему её заметил. Она стояла в двух шагах от него, в такой же лёгкой белой одежде, как на нём самом.

— Вы знаете, где мы? — спросил он.

Она ответила не сразу. Её взгляд был устремлён на горизонт, где небо почти незаметно сливалось с морем.

— Нет.

— А как вас зовут?

Женщина открыла было рот и замерла. Потом тихо покачала головой.

— Не помню.

— Я тоже.

Он провёл ладонью по лицу. В голове стояла странная пустота, будто важная часть воспоминаний лежала совсем рядом, но стоило протянуть к ней руку, и она ускользала.

— Что вы помните? — спросил он.

Женщина нахмурилась.

— Свет. Очень яркий. А до него и после… ничего.

— У меня так же.

Она вгляделась в его лицо.

— Мы ведь… знакомы? — осторожно спросила она.

Он тоже всмотрелся в неё. Искал хоть тень узнавания, линию бровей, изгиб губ, что-нибудь, за что можно было бы ухватиться. И не находил. Но почему-то рядом с этой чужой женщиной пустота внутри казалась чуть менее бездонной.

— Не знаю, — сказал он после паузы. — Не думаю.

— Может, это из-за света?

— Возможно.

В его голосе уверенности не было.

Женщина посмотрела на свои руки. На белой ткани темнели следы влажного песка. Она провела пальцами по рукаву, словно проверяя, что всё это происходит на самом деле.

— Одинаковая одежда, — тихо сказала она. — Наверное, это что-то значит.

— Наверное.

Они помолчали.

— И всё же, — заговорила она, — у меня странное чувство, что мы должны быть здесь.

— Почему вы так думаете?

— Не могу объяснить. Просто чувствую.

— Это не ответ.

— Другого у меня пока нет.

Мужчина промолчал.

Он снова смотрел на берег. Вдали волна с силой ударила в скалу, торчавшую из воды, и взметнулась облаком белых брызг. Потом опять стало тихо.

— Здесь кто-нибудь живёт? — спросила женщина.

— Не знаю.

— Вы вообще хоть что-нибудь знаете?

Он обернулся. В его взгляде на миг вспыхнуло раздражение.

— А вы?

Она отвернулась.

Вопрос повис между ними и оставил неприятный осадок. Оба понимали: сейчас не время искать виноватых и требо-

вать друг от друга ответов. Но неизвестность давила сильнее, чем им хотелось показать.

Они были вдвоём.

Вокруг раскинулся огромный мир, и ни один из них не знал, что ждёт за ближайшей полосой деревьев.

Женщина прошла несколько шагов вдоль берега. Песок мягко оседал под ногами. У самой воды она остановилась и взглянула на своё отражение. Лицо, смотревшее на неё из воды, было чужим. Она подняла руку, и отражение повторило движение, послушное и незнакомое. От этого стало страшнее, чем от безбрежного моря. Потом набежавшая волна разбила его.

— Как странно, — проговорила она.

— Что?

— Я вижу своё лицо и не узнаю его.

Мужчина подошёл ближе и склонился над водой. Рябь улеглась, и на него глянул незнакомец с усталыми глазами.

— Я тоже, — тихо сказал он.

Солнце клонилось к закату. Тени скал вытягивались, зелень за берегом темнела. Воздух, ещё недавно тёплый и ласковый, нёс уже вечернюю прохладу.

Из глубины леса донёсся незнакомый звук.

Протяжный, низкий, с коротким резким обрывом.

Женщина замерла.

— Вы слышали?

Мужчина повернул голову к деревьям.

— Да.

— Что это?

Он прислушался. В зарослях что-то шевельнулось, и над кронами вдруг взметнулась стая птиц.

— Не знаю. Может, животное.

— Большое?

— Не знаю.

Она посмотрела на него.

— Вы слишком часто это повторяете.

Он невольно усмехнулся, но улыбка тут же погасла.

— Сегодня у меня, похоже, нет другого ответа.

В её глазах на миг мелькнуло что-то похожее на улыбку, но она тут же отвела взгляд.

— Нам нужно найти укрытие.

Мужчина кивнул.

— Сначала осмотрим берег. Может, среди скал найдётся подходящее место.

— А если нет?

— Тогда пойдём дальше.

— До темноты?

Он глянул на солнце.

— Постараемся.

Женщина ещё раз оглянулась на море. Оно жило своей спокойной, бесконечной жизнью, будто ничего необычного не произошло. Волны приходили и уходили, ветер скользил по воде, а далеко над горизонтом медленно менялся цвет

неба.

В этом мире ничто не напоминало о них. Ни дорог, ни городов, ни человеческих голосов. Только земля, вода, небо и неизвестность.

Женщина, сама того не заметив, придвинулась ближе к мужчине. Он не отступил.

Они ещё не знали, что это место станет для них началом всего.

Или концом.

Пока они знали только одно: нужно пережить эту ночь.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Когда наступает темнота

Ветер крепчал.

Мужчина шёл впереди и время от времени оборачивался, проверяя, не отстала ли женщина. Он и сам не понимал, зачем это делает. Может быть, боялся остаться один. А может, просто чувствовал, что вдвоём у них больше шансов выжить.

Она шла следом молча.

Земля под ногами становилась всё каменистее. Между валунами стояла вода, высокая трава цеплялась за одежду, а холод пробирался всё глубже. Они почти перестали разговаривать: не потому, что им нечего было сказать, а потому, что каждое слово давалось с усилием.

Наконец мужчина остановился.

Впереди, между двумя огромными скалами, темнела ниша. Неглубокая, но достаточно широкая, чтобы укрыться от ветра.

Он подошёл и заглянул внутрь.

Каменный пол был устлан сухими листьями. У дальней стены лежало несколько веток, наверное, их занесло ветром. Нависающий свод защищал вход от дождя.

Мужчина осторожно шагнул под него.

— Здесь можно остаться.

Женщина задержалась у входа.

— Вы уверены?

Он ещё раз огляделся.

— Нет. Но другого места у нас пока нет.

Она окинула взглядом тёмные стены, потом небо. Облака сгущались, свет тускнел.

— Тогда остаёмся.

Сказала она это спокойно, будто они выбирали место для обычного привала. Но когда мужчина отвернулся, на миг закрыла глаза.

Ей хотелось проснуться.

Не просто уйти отсюда, а проснуться там, где всё понятно. Где можно задать вопрос и получить ответ. Она не смогла бы сказать, что это за место и кто там живёт. Но тоска по нему была настоящей, острой, как память: тоска не по месту, а по самому чувству, что ты дома.

Осталось только смутное ощущение, что когда-то мир был другим. И что теперь от него ничего не осталось.

* * *

Они принялись обустраивать укрытие.

Мужчина собрал ветки и оттащил их от входа. Женщина расчистила часть пола от камней и сухих листьев. Работали молча, изредка бросая короткие фразы.

Никто не отдавал приказов. Никто не пытался доказать, что знает больше другого. Они просто делали то, что казалось необходимым.

Когда женщина взялась за тяжёлый камень, мужчина подошёл и помог. Она взглянула на него и едва заметно кивнула.

В этом движении было что-то странно знакомое.

Не само действие и не выражение лица. Что-то глубже, чему она не находила объяснения.

На миг ей показалось, что они уже стояли вот так, плечом к плечу, в трудную минуту, когда нужно действовать быстро и не задавать лишних вопросов.

Но стоило попытаться удержать это ощущение, как оно растаяло.

Она замерла.

— Что случилось? — спросил мужчина.

— Ничего.

Он не стал настаивать.

Она была благодарна ему за это, хотя и не понимала почему.

Когда они закончили, то вышли наружу.

Море изменилось. Волны поднялись выше, ветер гнал по воде тёмные полосы. На горизонте почти не осталось света.

Женщина взглянула на небо.

— Скоро стемнеет.

— Да.

— Что будем делать ночью?

Мужчина задумался.

— Спать. Если получится.

Впервые с тех пор, как они оказались здесь, она тихо рассмеялась.

Смех был коротким, почти испуганным. Но прозвучал так неожиданно, что мужчина улыбнулся тоже.

На несколько мгновений мир перестал казаться совсем чужим.

Потом женщина снова посмотрела на море, и улыбка погасла.

— У нас ничего нет, — сказала она.

Мужчина проследил за её взглядом.

— Пока есть возможность что-нибудь найти.

— В этом мире?

— В любом мире, где есть земля, вода и жизнь.

Она посмотрела на него, словно пытаясь понять, верит ли он в собственные слова.

— Вы всегда так уверены?

— Нет. Просто сейчас я не вижу другого выхода.

Она промолчала.

* * *

Когда они вернулись к скалам, мужчина остановился у входа и огляделся.

— Нам нужен огонь.

Женщина посмотрела на него.

— Вы умеете его добывать?

Он ответил не сразу.

— Я знаю, что для этого нужно.

— Это не одно и то же.

Мужчина усмехнулся.

— Похоже, сегодня мы уже не раз в этом убедились.

Они взялись искать подходящие материалы. Вокруг укрытия ещё лежали сухие ветки, но трава к вечеру отсырела. Женщина набрала охапку тонких сухих стеблей и листьев, мужчина выбрал несколько небольших веток.

Он взял сухую палочку и принялся вращать её между ладонями, прижав к другой ветке. Сначала движения были неловкими, потом стали быстрее. Дерево тихо скрипело, под пальцами копилась мелкая пыль.

Они ждали.

Но ничего не происходило.

Он попробовал снова. Сменил палочку, нашёл кусок посуше, надавил сильнее. Ладони начали гореть, пальцы скользили от пота.

Женщина присела рядом и стала перебирать камни, надеясь найти такие, что высекают искру. Несколько раз она ударила один о другой. Раздались сухие щелчки, но ни одной искры не появилось.

Она посмотрела на мужчину.

— Может, мы что-то делаем не так?

Он выдохнул и отложил палочку.

— Может быть.

— А вы говорили, что знаете, как это делается.

— Я знаю принцип.

— Но не умеете?

Он взглянул на свои ладони, красные от трения.

— Пока нет.

Женщина промолчала. Она снова посмотрела на собранные ветки. Ещё недавно, в какой-то другой жизни, огонь, наверное, давался им одним движением, привычным и не требующим раздумий. Теперь же перед ними лежали ветки, камни и обломки дерева, а тепло, о котором они так мечтали, оставалось недосягаемым.

Мужчина ещё раз попытался высечь искру. Тщетно.

Наконец он отложил камни.

— Продолжим завтра. Уже почти темно.

Женщина кивнула.

Он всё ещё смотрел на свои руки. В этой неудаче было что-то унизительное: он знал принцип, а добыть не мог даже искры. Женщина, не говоря ни слова, взяла его ладонь и повернула к последнему свету. Кожа покраснела, на пальцах вздулись волдыри.

— Завтра будет больно, — тихо сказала она.

Он хотел отдёрнуть руку, но не стал.

Они занесли ветки внутрь, отложив самые сухие в сторону. Может быть, утром повезёт больше.

* * *

Когда они вернулись в укрытие, света почти не осталось.

Внутри было темно, но глаза понемногу привыкали. Из глубины ниши доносился тихий шорох. Снаружи свистел ве-

тер и время от времени швырял внутрь горсть мелких листьев.

Мужчина сел у стены и вытянул ноги.

Женщина устроилась напротив.

Между ними было всего несколько шагов, но в этой тесноте расстояние казалось огромным.

Они долго молчали.

Потом женщина заговорила:

— Давайте попробуем вспомнить что-нибудь ещё. Хоть что-нибудь.

Он поднял голову.

— Хорошо.

Она закрыла глаза.

— Родители, — произнесла она. — Дом. Где я родилась. Сколько мне лет.

Тишина.

Она искала. Сначала ей казалось, что ответ совсем рядом: стоит сосредоточиться, и он всплывёт из глубины. Она перебирала звуки, слова, ощущения. Но стоило решить, что она приблизилась, как мысль рассыпалась.

Она не помнила родителей.

Не помнила дома.

Не помнила, где родилась и сколько ей лет.

Она помнила, как устроен мир: что такое имя, зачем людям слова, почему огонь греет, а вода течёт вниз. Но ни одного события из собственной жизни.

Это было похоже на книгу, из которой вырвали все страницы, кроме тех, где объясняются значения слов.

Она открыла глаза.

— Ничего.

— У меня то же самое, — тихо сказал мужчина.

Он тоже пытался. Он знал, как говорить. Понимал, что такое имя и зачем оно нужно, почему люди зовут друг друга определёнными словами. Но собственного имени найти не мог. Ни звука, ни первой буквы, ни смутного образа.

В темноте они впервые почувствовали настоящий страх.

До этого можно было убеждать себя, что они просто потерялись, что случилась какая-то беда, что помощь обязательно придёт.

Но потеряться можно только там, откуда знаешь дорогу домой.

А они не знали даже, где их дом.

* * *

— Мы так и не выяснили, знакомы ли мы, — сказала женщина.

Мужчина поднял голову.

— Нет.

— А если мы никогда не встречались?

— Возможно, не встречались.

— Тогда почему я тебе доверяю?

Он хотел сказать, что она не должна ему доверять. Что они почти ничего не знают друг о друге. Что в чужом мире

осторожность может спасти жизнь.

Но эти слова не прозвучали.

— Не знаю, — ответил он. — Но я тебе тоже доверяю.

Они оба не заметили, когда перестали говорить друг другу «вы».

Она снова посмотрела на него. В её глазах стояли слёзы, хотя она, кажется, и сама не понимала, почему плачет.

— Это глупо.

— Наверное.

— Мы не знаем даже собственных имён.

— Зато знаем, что сейчас нужно держаться вместе.

Она долго молчала.

Потом придвинулась ближе к стене, оставив между ними меньше места.

Это не было признанием. Скорее осторожным решением не оставаться в темноте одной.

Мужчина не стал приближаться. Он просто остался на месте.

* * *

Ночь пришла незаметно.

Сначала погасла последняя полоска света у входа. Потом пропали очертания деревьев. Наконец даже море перестало быть видимым, хотя его шум продолжал о себе напоминать.

Мужчина не мог уснуть.

Он прислушивался к каждому звуку. Когда ветер ударял в скалы, он напрягался. Когда вдали раздавался крик зверя,

тело само готовилось к опасности.

Он не знал, откуда у него эта привычка. Но знал, что нужно быть осторожным.

Это знание осталось с ним, даже когда исчезли все воспоминания.

Женщина тоже не спала.

Она сидела, обняв колени, и смотрела на тёмный вход. Ей хотелось спросить, что будет завтра, но она понимала, что ответа не получит.

В какой-то миг она заметила, что мужчина смотрит на неё.

— Ты боишься? — спросила она.

— Да.

Кажется, она ждала другого ответа.

— Ты хотя бы не притворяешься.

— А какой смысл?

Она опустила голову.

— Не знаю. Наверное, никакого.

Снаружи что-то зашуршало.

Оба замерли.

Шорох повторился, на этот раз ближе.

Мужчина медленно поднялся. Он не знал, что там, но тело уже отвечало на опасность. Он поднял с земли тяжёлую ветку.

Женщина встала следом.

Они прижались к стене, прислушиваясь.

Несколько долгих секунд ничего не происходило.

Потом раздался резкий звук, похожий на треск сухого дерева, и что-то быстро пробежало мимо входа.

Мужчина крепче стиснул ветку.

Женщина схватила его за руку.

Он не отстранился.

Постепенно звуки стихли.

Они ещё долго стояли неподвижно, прежде чем решились вернуться на места.

— Завтра нужно найти воду, — сказал мужчина.

— И еду.

— И понять, где мы.

Женщина посмотрела на него.

— А если мы так и не поймём?

Он сел у стены и прислонился затылком к холодному камню.

— Тогда будем жить, не зная.

Она не ответила.

Но впервые с тех пор, как они оказались в этом мире, эта мысль не показалась ей совершенно невыносимой.

Быть может, человеку не нужно знать всё, чтобы сделать следующий шаг.

Иногда достаточно просто пережить ночь.

* * *

Глубокой ночью женщина наконец уснула.

Мужчина ещё какое-то время слушал её дыхание, ровное и живое. В мире, где у него не осталось ничего своего, это

было единственным, что он мог назвать настоящим. Потом закрыл глаза.

Они не помнили, кем были.

Не знали, откуда пришли.

Не могли назвать ни одного места, которое когда-то считали домом.

И всё же в них сохранились язык, разум, осторожность, способность заботиться друг о друге и страх перед неизвестным.

Они не знали, кто лишил их памяти.

Не знали, было ли это случайностью или частью чего-то, что они пока не в силах понять.

И не знали, что за пределами этой каменной ниши лежит мир, которому суждено стать свидетелем рождения человеческой истории.

Пока для них существовала только ночь.

И двое людей, которым предстояло начать всё сначала.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Первый рассвет

Первым проснулся мужчина.

Он не сразу открыл глаза. Какое-то время лежал неподвижно, вслушиваясь в звуки, что доносились снаружи.

Ветер стих.

Вместо ночного воя теперь слышались птичьи голоса, плеск воды и тихий шорох травы. От входа в укрытие тянуло прохладой, но воздух больше не давил на грудь.

Он сел и потёр лицо ладонями. Кожа на них отозвалась тупой болью.

Ночь закончилась.

Это было первое, в чём он мог быть уверен.

Всё остальное по-прежнему оставалось загадкой.

Женщина спала у противоположной стены, поджав ноги и укрывшись охапкой сухих листьев. Во сне её лицо стало спокойнее. Исчезло напряжение, которое вчера не позволяло ей ни на миг расслабиться.

Он смотрел на неё и чувствовал: неправильно, что он не знает её имени.

Ещё страннее было другое: рядом с ней он не чувствовал себя чужим.

Он попытался представить, как они могли встретиться. Может быть, в другом месте и при других обстоятельствах. Может быть, они когда-то разговаривали, смеялись, спори-

ли.

Но стоило сосредоточиться, как перед внутренним взором возникала пустота.

Он помнил слова.

Помнил их значения.

Помнил, как думать, сравнивать, делать выводы.

Но не помнил ни одного дня своей жизни.

Словно кто-то оставил ему разум, а историю забрал.

Мужчина поднялся и вышел наружу.

Утренний воздух обжёг лёгкие.

Перед ним лежал мир, за ночь не ставший ни понятнее, ни безопаснее.

Море отступило, оставив на берегу полосы водорослей и мелкие лужи. Над травой стоял туман. Дальше начинались холмы, поросшие густой зеленью.

Он посмотрел на небо.

Над горизонтом поднималось солнце.

Всё выглядело естественным. И всё же его не оставляло чувство, что он оказался там, где никогда прежде не бывал.

Объяснить это он не мог. Да и не знал, нужно ли объяснение.

Сейчас были дела поважнее.

Вода.

Еда.

Укрытие, которое не развалится от первого сильного дождя.

Он оглядел местность и заметил, что ниже по склону земля темнее. Должно быть, там пробивался ручей.

Мужчина решил проверить.

Он сделал несколько шагов, но остановился и оглянулся на укрытие.

Потом вернулся к входу, поднял с земли длинную крепкую ветку и лишь после этого пошёл вниз по склону.

Он не помнил, когда научился быть осторожным.

Но осторожность осталась.

* * *

Женщина проснулась, когда он вернулся.

— Ты куда-то уходил?

— Искал воду.

Она быстро села.

— Нашёл?

— Пока нет. Но ниже есть место, где земля влажная. Думаю, стоит проверить.

Она встала, одёрнула одежду и вышла наружу.

Несколько мгновений молча смотрела вокруг.

При дневном свете мир казался ещё огромнее. Вчерашние тени оказались деревьями, тёмные пятна на склоне — густой травой, а далёкая полоса у горизонта — продолжением берега.

Женщина медленно повернулась, будто пыталась запомнить каждую деталь.

— Здесь очень тихо, — сказала она.

— Разве?

— Да. Не знаю, как объяснить. Мне кажется, здесь должно быть что-то ещё.

Мужчина прислушался.

Вдали кричали птицы. Ветер шевелил листву. Волны накатывали на берег.

— Звуков здесь достаточно.

— Я не об этом.

Он посмотрел на неё.

Она и сама не могла сказать, что имела в виду.

Бывает, слова есть, но они не находят дороги к тому, что человек чувствует.

— Пойдём, — сказал он. — Нам нужна вода.

* * *

Ручей оказался небольшим.

Он пробирался между камнями, нырял под корни деревьев, потом выходил на свет и стекал по склону к морю.

Мужчина опустился на колени и вгляделся в воду.

Он не знал, откуда пришло это знание, но понимал: морскую воду пить нельзя. Пресная выглядела иначе, хотя по каким признакам он различал их, объяснить бы не смог.

Он попробовал воду на вкус.

Холодная, почти безвкусная.

Он подождал, прислушиваясь к себе, потом снова наклонился к ручью.

Женщина наблюдала за ним.

— Ты уверен, что она безопасна?

— Нет.

— Тогда зачем пьёшь?

Он поднял на неё глаза.

— Потому что жажда тоже опасна.

Она не стала спорить.

Они пили осторожно, маленькими глотками, потом присели на камни у воды.

Мужчина опустил в ручей саднящие ладони и стиснул зубы: холод обжёг, как огонь. Женщина молча взяла его за запястья и удержала руки под струёй.

— Потерпи, — тихо сказала она. — Так лучше заживёт.

Он не отнял рук.

Некоторое время оба молчали.

Впервые с пробуждения они могли думать не только о страхе.

Но тут же возникла другая беда.

Голод.

Женщина посмотрела на деревья, на низкие кусты вдоль ручья.

— Там могут быть плоды.

— Могут.

— Можно поискать.

— Можно. Но есть всё подряд не будем.

Она повернулась к нему.

— Откуда ты знаешь, что нельзя?

Он задумался.

— Не знаю.

Ответ прозвучал неожиданно для них обоих.

Он взглянул на свои руки, будто надеялся найти на них подсказку.

— Просто понимаю, что некоторые растения опасны.

— Но откуда это знание, ты не помнишь?

— Нет.

Женщина опустила глаза.

— Значит, что-то всё-таки осталось.

Он медленно кивнул.

Может быть, память исчезла не вся. Они потеряли воспоминания о событиях, но сохранили знания, ставшие частью разума.

Это было первое объяснение, которое им обоим показалось правдоподобным.

И всё же оно не отвечало на главный вопрос.

Почему они ничего не помнят о самих себе?

* * *

Они вернулись к укрытию и стали искать всё, что могло пригодиться.

Женщина собирала сухие ветки, мужчина осматривал камни и землю. Нашлось несколько мелких плодов, но рисковать они не стали и незнакомые растения есть не решились.

Вместо этого решили обследовать берег дальше.

По дороге женщина остановилась у дерева.

На коре виднелись глубокие борозды. Слишком ровные для случайных трещин, но слишком неровные, чтобы быть человеческими отметинами.

Она коснулась одной пальцами.

— Посмотри.

Мужчина подошёл.

— Что это?

— Не знаю.

Он осмотрел кору. Следы могли оставить когти. Видимо, какое-то крупное существо пыталось добраться до чего-то на стволе.

Он показал на землю.

— Здесь тоже следы.

В мягкой почве отпечатались широкие вмятины. Они тянулись от дерева в сторону леса.

Женщина внимательно вгляделась.

— Большой зверь?

— Возможно.

— Он опасен?

Мужчина поднял ветку, с которой не расставался.

— Пока не знаем, что это, лучше считать, что опасен.

В лес они не пошли.

Вернулись на берег, где пространство было открытым и приближение живого существа легче заметить.

Они ещё не знали, что мир не обязан быть добрым лишь

потому, что в нём нет людей.

* * *

К полудню они снова были у укрытия.

Усталость давала о себе знать. Женщина прислонилась к скале и закрыла глаза.

— Нам нужно придумать, как добывать огонь, — сказала она.

Мужчина посмотрел на неё.

— Ты знаешь, как?

— Нет.

— Тогда почему говоришь об этом?

Она открыла глаза.

— Потому что огонь согревает. Даёт свет. Отпугивает зверей. Ты ведь это знаешь?

Он кивнул.

Да, знал. И не только это. Он помнил, как люди использовали огонь, как научились им управлять, как с его помощью меняли мир вокруг. Знания о природе, о веществе, о строении Вселенной всё ещё жили где-то в глубине его разума.

Но сейчас всё это казалось почти бесполезным.

Смутно, как отголосок забытого сна, к нему приходила мысль о мире, где тепло и свет возникали сами, стоило лишь коснуться чего-то гладкого и холодного. Он не помнил, видел ли это своими глазами или просто знал, как знают сказки. Здесь ничего подобного не было.

Ни устройств, ни инструментов, ни источников энергии.

Ни одной вещи, которая могла бы заменить то, чем они, быть может, когда-то привыкли пользоваться. Всё, что прежде помогало им жить, осталось где-то за пределами этого мира.

Теперь им предстояло заново учиться пользоваться тем, что лежало вокруг.

Мужчина посмотрел на свои руки.

— Значит, придётся научиться.

Женщина медленно кивнула.

В этих словах было что-то важное. Технологиями прежней жизни им не воспользоваться, зато можно наблюдать, пробовать, ошибаться и искать решения.

Они не знали, что человечество уже когда-то шло этим путём.

Для них всё начиналось впервые.

* * *

Ближе к вечеру мужчина вновь взялся за огонь.

Он принёс к укрытию сухие ветки, выбрал две подходящие по толщине, одну положил на ровный кусок дерева. Рядом приготовил сухую траву, тонкие волокна растений и мелкие листья, свивая из них небольшое гнездо для будущей искры.

Женщина наблюдала.

— Думаешь, сегодня получится?

— Не знаю.

— Ты часто так говоришь.

Он усмехнулся, не поднимая головы.

— Пока это самый честный ответ.

Мужчина зажал тонкую палочку между ладонями и начал быстро вращать её, прижимая к деревянной основе. Сначала медленно, потом быстрее. Под палочкой появилась тёмная пыль.

Он остановился, стряхнул её и начал снова.

Руки болели. Кожа на ладонях горела, но он не останавливался. И вдруг из-под палочки потянулся едва заметный дымок.

— Подожди, — тихо сказала женщина.

Он замер.

Они наклонились ближе.

В углублении на дереве темнела маленькая кучка нагретой пыли. От неё поднимался слабый запах горелого дерева.

Мужчина осторожно перенёс её на сухую траву и начал бережно дуть.

Дым усилился.

На миг ему показалось, что сейчас появится огонь. Он продолжал дуть, стараясь не потревожить тлеющую пыль, но трава лишь потемнела и рассыпалась.

Дым исчез.

Мужчина откинулся назад и посмотрел на свои руки.

Женщина молчала.

— Почти получилось, — наконец сказала она.

— Почти, — повторил он.

Он не выглядел разочарованным. Скорее, в его взгляде

впервые появилось что-то вроде удовлетворения.

Женщина вдруг тихо засмеялась: не от радости, а оттого, что за эти два дня у них впервые хоть что-то почти получилось. Он, сам не зная почему, засмеялся тоже. Смех эхом отозвался в скалах и растаял.

Они не добыли огонь, но теперь знали, что могут к нему приблизиться.

Мужчина аккуратно отложил основу и палочку.

— Завтра попробуем ещё.

Женщина взглянула на приготовленную траву.

— Завтра.

Солнце медленно опускалось за горизонт. Ветер снова холодел, и они стали собирать всё нужное для ночлега.

* * *

Они сидели у входа в укрытие и смотрели на гаснущее море, когда мужчина вдруг ощутил странное: ему нужно повернуть голову.

Не потому, что он услышал звук.

Не потому, что заметил движение.

Просто почувствовал.

Он обернулся.

За их спиной лежал лес. Ветер едва касался листвы. Между деревьями сгущались тени.

Ничего необычного.

И всё же он не мог избавиться от ощущения, что за ними кто-то наблюдает.

Он поднялся.

— Что случилось? — спросила женщина.

— Не знаю.

Она подошла.

— Ты что-то услышал?

— Нет.

— Увидел?

— Нет.

Женщина внимательно посмотрела на него.

— Тогда почему встал?

Он не ответил.

Потому что не знал.

Оба смотрели в сторону леса, пока солнце медленно опускалось к горизонту.

Наконец женщина сказала:

— Может, нам просто страшно.

Мужчина повернулся к ней.

— Может.

Он хотел вернуться внутрь, но вдруг заметил, что на краю поляны трава слегка примята.

Не так, как после ветра.

И не так, как там, где проходили они сами.

Кто-то или что-то двигалось здесь совсем недавно.

Женщине он ничего не сказал.

Не хотел пугать раньше времени.

Впервые он подумал, что ему есть что терять, и это оказа-

лось страшнее любой пустоты.

Поэтому этой ночью он решил не спать первым.

* * *

Далеко от этого берега, за краем видимого им мира, ещё не было ни городов, ни машин, ни людских голосов.

Мужчина и женщина не могли знать, что где-то на другом краю времени их появление обсуждали люди, чьи имена потом исчезли вместе с их цивилизацией.

Не могли знать о решении, принятом в последние годы прежнего мира.

О людях, искавших способ сохранить человеческую жизнь, когда сама планета перестала быть домом.

О проекте, которому дали имя «Начало».

О расчётах, которые должны были привести двоих в далёкое прошлое.

И о цене, заплаченной за возможность начать всё заново.

Но самое удивительное было в другом.

Те, кто отправил их сюда, надеялись спасти будущее человечества. Они верили, что дарят людям новый шанс.

Однако никто из них не мог ответить на вопрос, который однажды станет самым главным:

если этих двоих отправили в прошлое, чтобы человечество смогло появиться заново, то откуда появилось первое человечество?

Ответа не было.

Были только расчёты, догадки и надежда.

А на маленьком клочке чужого берега двое людей готовились пережить вторую ночь.

Они не помнили, что стали частью величайшего замысла в истории своего вида.

И, возможно, именно поэтому у них ещё оставался шанс.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. Искра

Утро пришло незаметно, словно ночь просто устала держать мир в объятиях и наконец разжала пальцы.

Сначала посветлело небо. Потом из тумана проступили очертания скал, мокрая трава заискрилась каплями росы, а море, ещё недавно казавшееся бездонной чёрной пустотой, налилось свинцовым цветом. Волны с прежним равнодушием накатывали на берег и стирали собственные следы, будто здесь никогда ничего не случалось и не должно было случиться.

Мужчина вышел из укрытия.

Спал он плохо. За ночь ему несколько раз чудилось, что в лесу кто-то ходит, но стоило прислушаться, и слышался лишь ветер да редкие крики зверей. При свете дня ночные страхи казались почти нелепыми. Почти: спиной к лесу он по-прежнему поворачиваться не хотел.

Женщина вышла следом. Остановилась у входа, обхватив себя руками, и взглянула на море.

— Сегодня мы должны добыть огонь, — сказала она.

Мужчина кивнул.

— Он нам необходим.

— Не только ради тепла. Нужно научиться готовить еду. Иначе долго мы здесь не протянем.

Он посмотрел на неё. Только теперь, в утреннем свете, он

по-настоящему разглядел её лицо. За эти дни оно изменилось: осунулось, под глазами легли тёмные впадины, кожа потеряла прежнюю свежесть. Усталость проступала в каждой черте, хотя она изо всех сил старалась держаться спокойно.

Он и сам чувствовал, как голод исподволь отнимает силы. Они почти ничего не ели, много двигались, плохо спали и каждый час учились на ходу тому, чего не умели.

— Сегодня получится, — сказал мужчина.

Он сказал это скорее для неё, чем для себя.

Они решили не отходить от укрытия. Костёр лучше развести у самой скалы, где его закроет от ветра. Весь день предстояло провести здесь, поэтому топлива нужно было заготовить с запасом.

Они разошлись, но не выпускали друг друга из виду.

Собирали сухие ветки, обломки коры, тонкие щепки, траву, мох. Выбирать приходилось тщательно: после ночной сырости почти всё на земле отсырело. Мужчина переворачивал камни, заглядывал под корни, пробовал ветки на излом. Женщина собирала сухие стебли и тонкие прутики, раскладывая их отдельными кучками.

Скоро у укрытия набралось достаточно материала.

Они расчистили площадку, убрали сухие листья и всё, что могло загореться. Вокруг будущего костра выложили несколько крупных камней. В стороне от входа, чтобы дым не тянулся внутрь.

Мужчина сел на землю и взял два камня.

— Попробуем ещё раз.

Он ударил один о другой. Короткий сухой звук. Ещё раз, сильнее. Ничего.

Он сменил угол, ударил снова. Бил так, что заныли пальцы.

Ни искры.

Женщина подняла с земли другой камень и протянула ему.

— Может, этот?

Он взял, повертел, осмотрел грани и ударил.

Тот же результат.

— Может, мы не те камни выбираем? — спросила она.

— Может.

Он отбросил камни и на миг закрыл глаза.

— Попробуем дерево.

Мужчина взял две сухие ветки. Одну положил на землю, другую зажал между ладонями и принялся тереть о первую. Сперва медленно, потом быстрее. Дерево скрипело, ладони нагревались.

Он остановился, осмотрел ветки. Ничего.

Попробовал снова.

Движения становились резче. Кожа на ладонях покраснела, пальцы ныли. Он менял хват, стискивал ветку, наращивал скорость.

Огня не было.

— Дай мне, — сказала женщина.

Он передал ветки.

Она попробовала сама. Несколько раз провела одной веткой по другой, поменяла положение рук. Выходило неловко. Скоро она остановилась.

— Не так просто, как казалось.

Мужчина усмехнулся, но веселья в его улыбке не было.

— Теперь я это понимаю.

Он снова взял ветки.

Время шло. Солнце поднималось выше, а они всё пробовали. Мужчина то бил камнем о камень, то возвращался к дереву. Порой ему чудилось, что он нащупал нужное движение, но через минуту становилось ясно: ничего не изменилось.

Ладони горели. На пальцах вспухли красные полосы, кожа стала мучительно чувствительной. Он стискивал зубы и старался не замечать боли.

Женщина увидела, как он морщится, когда берётся за ветку.

— Твои руки…

— Ничего.

— Ты уже не можешь нормально её держать.

— А что ты предлагаешь? Сдаться?

Она промолчала.

Мужчина посмотрел на собранные ветки, на сухую траву, на площадку между камнями.

— Нам нужно хотя бы тление. Если появится тлеющая пыль, дальше будет легче.

Он уложил ветку на землю, прижал ногой, взял другую. На этот раз упёр заострённый конец в небольшое углубление и снова принялся вращать между ладонями.

Давалось тяжело. Ветка то соскальзывала, то ломалась, то уходила в сторону. Он начинал заново, но вскоре руки опять переставали слушаться.

Женщина присела рядом.

— Давай я подержу нижнюю.

Она придавила её к земле, чтобы та не двигалась. Мужчина попробовал ещё раз.

Теперь верхняя ветка вращалась ровнее. В углублении понемногу копилась тёмная древесная пыль.

— Продолжай, — сказала женщина.

Он ускорился.

Появился дымок.

Совсем тонкий, едва заметный, но они оба его увидели.

Мужчина замер, наклонился и посмотрел на тёмную пыль.

— Получилось?

Женщина приблизила лицо.

— Кажется…

Внутри крохотной кучки что-то едва тлело. Красноватая точка вспыхнула на миг и пропала.

Он попытался осторожно перенести её на сухую траву, но

тление погасло.

Он откинулся назад и тяжело выдохнул.

— Нет…

Женщина посмотрела на его руки. Ладони были красные, пальцы дрожали от напряжения.

— Давай отдохнём.

— Если остановимся сейчас, придётся начинать заново.

— А если ты больше не сможешь удержать ветку, мы вообще ничего не добьёмся.

Он хотел возразить, но промолчал.

Они посидели у приготовленного костровища. Мужчина растирал ладони, пытаясь унять жжение. Женщина тем временем перебрала траву, отобрала самые сухие стебли и свила небольшое гнездо из мха и тонких волокон коры.

— Попробуем ещё раз, — сказала она.

Он взглянул на неё.

— Ты уверена?

— Нет. Но другого способа у нас пока нет.

Тут она сама взяла ветку и принялась вращать её между ладонями. Несколько движений вышли легко, потом ветка начала соскальзывать.

Мужчина мягко перехватил её руки.

— Не так. Смотри. Держи ровнее.

Он показал движение, и они поменялись местами. Теперь женщина прижимала нижнюю ветку, а он вращал верхнюю. Но боль в ладонях мешала, и после нескольких движений он

остановился.

— Дай мне ещё раз, — сказала она.

Она склонилась над ветками и начала вращать. Мужчина придерживал основание, чтобы оно не сместилось.

Сначала не происходило ничего. Потом в углублении снова собралась тёмная пыль.

— Ещё чуть-чуть, — тихо сказал он.

Женщина не останавливалась. Её ладони тоже покраснели, но она продолжала.

Дым появился не сразу. Сначала тонкой ниточкой, потом гуще.

— Теперь! — сказал мужчина.

Он осторожно убрал ветку. Женщина пододвинула гнездо из сухого мха и травы. Мужчина перенёс в него тлеющую пыль.

Они наклонились над ней почти одновременно.

Женщина принялась осторожно дуть.

Дым стал гуще. Внутри сухой травы проступило слабое красное свечение.

— Не торопись, — прошептал мужчина.

Она дула короткими, бережными выдохами. Красная точка разгоралась, но пламени всё не было.

На миг свечение почти погасло.

Женщина замерла.

— Пожалуйста… — едва слышно сказала она.

Она подула снова.

И тогда среди сухих волокон вспыхнула крошечная оранжевая искра.

Оба застыли.

Маленький язычок пламени поднялся над землёй, дрогнул и чуть не угас. Мужчина торопливо подложил к нему тонкие сухие стебли. Женщина осторожно раздвинула их, оставляя место для воздуха.

Пламя вспыхнуло снова.

На этот раз оно удержалось.

Они не шевелились, боясь неловким движением разрушить то, к чему так долго шли. Огонёк разгорался, перебираясь с травы на тонкие веточки. Раздался первый тихий треск.

Мужчина подложил несколько щепок.

Пламя поднялось выше.

Они смотрели на него, не веря глазам.

Впервые в этом чужом мире у них появилось нечто, созданное их собственными руками.

Огонь.

Небольшой, неровный, уязвимый. Но это была уже не случайная искра, не мимолётный отсвет, пропавший в темноте. Он жил, потрескивал и согревал воздух вокруг себя.

Мужчина протянул ладони к теплу. Кожа всё ещё болела, но боль теперь казалась почти пустяком.

Женщина села рядом.

— Получилось, — сказала она.

— Получилось.

Отсветы пламени легли на её лицо, и оно вдруг перестало казаться измученным. Он поймал себя на том, что смотрит слишком долго, и отвёл взгляд.

Она посмотрела на его руки.

— Завтра тебе придётся быть осторожнее.

Он впервые за утро улыбнулся.

— Завтра постараюсь не сжечь себе ладони.

Женщина тихо рассмеялась. Смех был коротким, непривычным, но мужчина невольно улыбнулся в ответ.

Они ещё долго подкладывали в костёр тонкие ветки, следя, чтобы он не погас. Огонь становился устойчивее. Ветер приносил запах дыма, на камнях рядом играли тёплые отблески.

Только теперь они вспомнили о еде.

Мужчина посмотрел в сторону моря.

— Там, между камнями, я видел что-то похожее на раковины.

— Моллюски?

— Может быть. Думаю, можно попробовать.

Они дошли до берега, но далеко не уходили. В углублениях между прибрежными камнями и правда нашлись моллюски. Одни прятались в воде, другие плотно прилипли к мокрой поверхности камней.

Набрали немного, ровно столько, сколько можно приготовить за раз.

У укрытия женщина промыла находку пресной водой, ко-

торую они утром принесли из ручья. Мужчина тем временем разложил у костра несколько плоских камней.

Моллюсков положили на горячие камни. Вскоре раковины нагрелись, из-под них потянулся влажный пар. Некоторые раскрылись, и мужчина осторожно проверил, готовы ли они.

Ели медленно, понемногу, прислушиваясь к себе. Вкус был непривычный, но вполне сносный. Главное, это была настоящая еда, добытая своими руками и приготовленная на огне, который они сами и разожгли.

Женщина держала в ладони раковину и смотрела на пламя.

— Странно, — сказала она.

— Что именно?

— Мне кажется, раньше нам не приходилось думать о таких вещах. Как добыть огонь. Где взять воду. Как приготовить еду.

Мужчина посмотрел на костёр.

— Наверное, мы привыкли, что всё это просто есть.

— А теперь всё приходится начинать сначала.

Он помолчал.

— Может быть, именно для этого мы здесь.

Женщина не ответила. Она опустила взгляд на раковину и осторожно положила её рядом с остальными.

О прежней жизни они больше не говорили. Слишком мало у них осталось воспоминаний, чтобы можно было за них

ухватиться, и слишком много вопросов, на которые пока не было ответов.

К полудню солнце поднялось высоко. Костёр горел, и они уже знали, как поддерживать его: не бросать сразу толстые ветви, не закрывать доступ воздуху, вовремя подкладывать сухую траву и щепки.

Мужчина несколько раз отходил за топливом. Женщина следила за пламенем и раскладывала оставшиеся ветки так, чтобы они успели просохнуть.

Они понимали, что огонь теперь нужно беречь. Его нельзя было просто оставить и надеяться, что он дождётся их возвращения. В этом мире не было ни спичек, ни зажигалок, ни чего-то, что могло бы его заменить. Если пламя погаснет, всё придётся начинать сначала.

К вечеру они уже не чувствовали себя такими беспомощными, как накануне.

У них было укрытие. Был ручей. И теперь был огонь, маленький, но настоящий.

Когда солнце начало опускаться за линию деревьев, женщина присела у костра и протянула к нему ладони. Свет мягко ложился на её лицо, дым поднимался вверх и растворялся в вечернем воздухе.

Мужчина сидел рядом и подбрасывал в огонь тонкие ветки.

Они всё ещё не знали, где находятся. Не знали, что ждёт их завтра и сколько им предстоит прожить в этом мире. Но

впервые с того дня на берегу они почувствовали, что способны не только бояться неизвестности, но и понемногу с ней справляться.

Над древней землёй медленно сгущалась ночь. Но на этот раз у них был свет.

ГЛАВА ПЯТАЯ. То, что остаётся

Огонь пережил ночь.

Под тонким слоем серого пепла ещё тлели угольки, хранившие тепло вчерашнего костра. Женщина первой заметила слабое красноватое свечение. Она присела рядом, осторожно раздвинула обугленные ветки и подложила сухую траву.

Несколько мгновений ничего не происходило. Потом из-под золы поднялась тонкая струйка дыма.

Она добавила несколько прутиков и принялась осторожно дуть на угли, стараясь не погубить слабое дыхание огня. Дым густел, между ветками мелькнуло пламя.

Она смотрела на него дольше, чем требовалось. В этом маленьком движении — в том, как она заслоняла ладонью искру от ветра, как выбирала ветки, как угадывала, что делать дальше, — было что-то странное.

Она не помнила, чтобы когда-нибудь разводила огонь. Не помнила дома, где могла этому научиться. Не помнила человека, который показал бы ей, как беречь тепло.

И всё же она знала.

Не всякое действие требует размышления. Некоторые решения приходят раньше вопроса, будто тело уже прошло дорогу, на которую сознание ещё не ступало.

Она посмотрела на свои руки.

Кто научил их всему этому?

И почему руки помнили то, чего не помнила она сама?

— Ты опять думаешь, — сказал мужчина.

Она обернулась. Он уже проснулся и сидел у входа, подтянув одну ногу. На лице ещё лежала сонная растерянность, но взгляд был внимательным.

— А ты никогда не думаешь?

— Думаю. Только обычно это ничего не меняет.

Она улыбнулась. Он впервые увидел на её лице улыбку без страха и без попытки скрыть тревогу.

— Может, ты просто не о том думаешь.

Он не ответил. На миг ему показалось, что они уже много раз вот так разговаривали. Не здесь и не при таких обстоятельствах. Просто между ними жило что-то, что не нужно было начинать заново с каждым словом.

Но стоило попытаться понять это чувство, как оно рассыпалось.

Осталась лишь странная тень утраты.

Не память о потерянном, а само отсутствие чего-то, что, быть может, никогда не удастся назвать.

* * *

Позже они вышли к воде.

День обещал быть ясным. Солнце пробивалось сквозь облака, играло на ручье и заставляло щуриться. Они пили, умывались, собирали сухие ветки. Самые обычные дела понемногу обретали значение, какого, наверное, прежде для

них не имели.

Жизнь пока не требовала ответов на большие вопросы. Она требовала пить, когда хочется пить, искать укрытие, когда надвигается дождь, и беречь огонь, если не хочешь снова провести ночь в холоде.

Но именно в этой простоте таилось что-то тревожное.

Человек мог потерять всё, что считал собой, и всё равно продолжать жить.

Тело не спрашивало, помнит ли он своё детство. Голод не интересовался его именем. Холод не требовал доказательств, что он когда-то принадлежал другому миру.

Мир принимал его таким, каким он был сейчас.

И, быть может, только сам человек не мог смириться с тем, что этого недостаточно.

— Как ты думаешь, — спросила женщина, глядя на воду, — если бы мы ничего не забыли, мы были бы другими?

Мужчина помолчал.

— Наверное.

— Почему?

— Потому что всё, что с нами случается, что-то в нас меняет.

— Даже если мы этого не помним?

Он посмотрел на неё.

— Может быть, тем более.

Она опустила пальцы в воду. Течение обогнуло руку, словно та была камнем на пути, не имеющим для реки зна-

чения.

— Тогда кто мы? — спросила она. — То, что помним? Или то, что сделали с нами события, которых мы больше не помним?

Он хотел ответить сразу, но слов не нашлось.

Если человек забывает своё имя, перестаёт ли он быть тем, кому оно принадлежало? Если забывает лицо матери, исчезает ли любовь, которую когда-то чувствовал? Если не помнит собственных ошибок, остаётся ли он виновным? А если не помнит сделанного добра, перестаёт ли оно быть частью его жизни?

Может ли прошлое жить в том, кто больше не способен его увидеть?

Мужчина поднял камень и бросил в воду.

По поверхности разбежались круги. Они пересекались, меняли форму, таяли, оставляя ручей таким, каким он был прежде.

— Смотри, — сказал он. — Камень уже на дне, а вода всё ещё движется.

Женщина проследила за последним кругом.

— Ты хочешь сказать, что всё, что с нами было, продолжает на нас влиять, даже если мы этого не помним?

— Я не знаю, что хочу сказать.

Он произнёс это без раздражения, почти с облегчением.

Впервые незнание не казалось поражением. Не каждый вопрос обязан тут же превращаться в ответ.

— Мне кажется, — сказала она, — мы слишком хотим вспомнить.

— А что нам ещё остаётся?

Она задумалась.

— Может быть, не вспоминать. А узнать.

Он посмотрел на неё, ожидая продолжения.

— Мы всё время пытаемся найти тех, кем были. Но мы же не знаем, нравились бы нам те люди. Были ли они добрыми. Были ли счастливыми. Может быть, они сделали что-то ужасное. Может быть, прошлое мы потеряли не случайно.

Она замолчала, будто сама испугалась своих слов.

Мужчина отвернулся к воде.

Мысль была неприятной. До сих пор они воспринимали потерянную память как украденную часть жизни, как несправедливость, которую когда-нибудь нужно исправить. Но ни разу не подумали, что память могла бы вернуть им не только то, по чему они скучают, но и то, чего лучше никогда не знать.

Забыть не всегда значит потерять.

Но кто вправе решать, какое прошлое человеку хранить, а какое оставить позади?

И если бы им предложили вернуть всю память, вместе с болью, страхами, ошибками и поступками, о которых они теперь даже не подозревают, согласились бы они?

Они не стали обсуждать это дальше.

Впереди был ещё один день, и его нужно было научиться

прожить.

* * *

Когда они вернулись к укрытию, солнце уже стояло высоко.

Женщина собирала траву у камней. Мужчина пытался устроить заслон от ветра. Они работали рядом, почти не разговаривая, и между ними понемногу росло то, чего нельзя создать одним решением.

Доверие.

Не обещание и не клятва, не уверенность, что другой никогда не причинит боли. Скорее готовность на какое-то время перестать бояться его присутствия.

Она не знала, почему доверяет ему.

Он не знал, почему, проснувшись ночью, первым делом проверяет, рядом ли она.

Они не знали даже собственных имён.

К полудню женщина остановилась и посмотрела на мужчину.

— Иногда мне кажется, что я почти вспоминаю своё имя, — сказала она. — Оно будто где-то рядом. Но стоит попытаться ухватить его, и оно исчезает.

— У меня так же.

— А если мы никогда его не вспомним?

Он немного помолчал.

— Тогда придётся привыкнуть, что пока мы просто есть друг у друга.

Она посмотрела на него.

— Но у нас ведь были имена. Были родители, дома, люди, которые нас знали.

— Были, — тихо ответил он. — Только мы ничего этого не помним.

Она опустила глаза. Ей вдруг стало жаль не только себя, но и тех неизвестных людей, которые, быть может, когда-то ждали их, звали по именам, говорили с ними, любили их. Где они теперь? Живы ли? Или всё осталось в другой жизни, к которой не найти дороги?

— Мне хочется хотя бы раз услышать, как кто-нибудь произносит моё настоящее имя, — сказала она.

Мужчина взглянул на неё, но не нашёл, что ответить.

Он тоже этого хотел.

Не для того, чтобы просто знать, как его зовут. Ему хотелось услышать голос, который знал его прежде. Голос, в котором не было бы вопросов и необходимости объяснять, кто он такой.

Но вокруг были только ветер, вода и чужая земля.

* * *

К вечеру они снова сидели у огня.

Солнце ушло за горизонт, холод понемногу возвращался. Женщина подтянула колени и обхватила их руками. Мужчина смотрел на пламя и время от времени подкладывал ветки.

— Как ты думаешь, — спросила она, — если завтра мы встретим других людей, они будут такими же, как мы?

— Не знаю.

— А если они будут помнить всё о себе?

— Тогда мы сможем спросить, откуда они пришли.

Она покачала головой.

— Я не об этом.

Он повернулся к ней.

— А о чём?

Она смотрела на огонь. Отблески дрожали в её глазах, и на миг лицо показалось ему одновременно чужим и родным.

— Если они будут помнить, кем были, а мы нет… кто из нас настоящий?

Мужчина молчал.

— Мы ведь не знаем, какими были до этого места, — продолжила она. — Может быть, совсем другими. Может быть, теперь мы лучше. Или хуже. А может, вообще не изменились, просто не с чем сравнить.

Она помолчала.

— Мне иногда кажется, что человек — это не тот, кем он был. А тот, кем он становится, когда больше не может быть прежним.

Мужчина медленно подбросил в огонь ветку.

— А если мы станем тем, кем не должны были стать?

— Кто это решает?

Он поднял на неё глаза.

Она не улыбалась. В голосе не было вызова. Она правда хотела знать.

И он вдруг понял, что ответить не может. Где-то, наверное, существовала правильная версия человека, к которой нужно стремиться. Версия, которую определяют прошлое, происхождение, память, обещания, данные другим людям.

Но что, если никакой первоначальной версии не было?

Что, если человек не готовая вещь, которую можно потерять, сломать или вернуть в прежнее состояние?

Что, если он процесс, который длится, пока есть хотя бы один следующий шаг?

Тогда они не были обломками двух исчезнувших жизней.

Они были двумя жизнями, которым ещё только предстояло случиться.

Эта мысль не принесла облегчения. В ней было слишком много свободы, а свобода без прошлого может быть страшнее любой неизвестности. Если никто не может сказать им, кем они были, решать, кем стать, придётся самим. И ни один поступок нельзя будет оправдать тем, что они просто остались собой.

Им придётся отвечать за себя, даже не зная, кем они были.

Быть может, именно это и значило начать сначала.

Но начать сначала — не то же самое, что вернуться к началу.

И никто из них пока не понимал разницы.

* * *

Опустилась ночь.

Женщина уснула первой. Мужчина ещё долго смотрел на

огонь, прислушиваясь к звукам за пределами укрытия. Ветер приносил запах влажной травы и далёкой воды.

Он не знал, сколько дней прошло с тех пор, как они открыли глаза на чужом берегу. Не знал, сколько ещё предстоит прожить здесь. Не знал даже, было ли у их жизни какое-то «до».

Но впервые его занимал не вопрос, что они потеряли.

Он думал о том, что они ещё могут создать.

Где-то, быть может, жили другие люди. Впереди могли ждать опасности, встречи, потери, радости, о которых они пока не способны даже помыслить. Однажды они, возможно, узнают свои настоящие имена и вспомнят всё, что было до этого берега.

А может, память не вернётся никогда.

И тогда будут ли они считать свою жизнь неудавшимся возвращением к прошлому или признают её единственной, которая по-настоящему им принадлежит?

Огонь потрескивал.

Мужчина посмотрел на спящую женщину и ощутил знакомое, необъяснимое спокойствие. Оно ничего не доказывало и не обещало, что всё будет хорошо. Но на эту ночь ему было достаточно знать, что он не один.

Сказать ей об этом он не смог бы, да и не нашёл бы слов. Вместо этого он подбросил в огонь ветку, чтобы тепло дотянулось и до её края.

Потом лёг у костра и закрыл глаза.

В темноте он пошевелился во сне, будто услышал далёкий голос, которого не мог бы вспомнить наутро.

Но никакого голоса не было.

Только ночь.

И двое людей, которые впервые в своей неведомой жизни спрашивали себя не о том, кем были, а о том, кем им ещё предстоит стать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Мир, которому нет дела до человека

Прошло ещё несколько дней, и они решили уйти дальше, чем когда-либо прежде.

Ни один из них не знал, сколько дней минуло с пробуждения на чужом берегу. Они перестали считать, когда поняли, что счёт не отвечает ни на один из вопросов, которые их мучили. День сменялся ночью, ночь возвращала утро, и в этом повторении было что-то успокаивающее. Мир мог быть чужим, память могла исчезнуть, но солнце по-прежнему вставало над землёй, а огонь по-прежнему просил сухих веток.

Быть может, так и начинается жизнь: не с великого события, а с повторения простых дел, которые постепенно перестают казаться чужими.

Они научились беречь огонь. Научились различать несколько съедобных растений, хотя незнакомые плоды по-прежнему пробовать не решались. Знали, где ручей глубже, а где между камнями можно набрать чистой воды. Их убежище уже не казалось случайной дырой в скале. В нём появились свои места, свои привычки, даже собственная тишина.

Но чем привычнее становился маленький мирок, тем отчётливее они чувствовали его границы.

Однажды утром женщина сказала:

— Мы ничего не знаем о том, что дальше.

Мужчина, возившийся с огнём, не сразу поднял голову.

— Мы и здесь почти ничего не знаем.

— Поэтому и нужно посмотреть.

Он хотел возразить, но убедительной причины не нашёл. Просто ему не хотелось покидать место, где они наконец перестали вздрагивать от каждого шороха. За пределами знакомой долины всё могло оказаться хуже: хищники, непролазные заросли, глубокие овраги. А могло не оказаться ничего, кроме ещё одного клочка земли.

И всё же оставаться на месте только потому, что оно стало привычным, значило незаметно превратить осторожность в страх.

Они взяли несколько крепких веток, чтобы отогнать небольшого зверя, и отправились вдоль ручья.

* * *

Лес встретил их прохладой.

Деревья стояли так тесно, что солнечный свет едва пробивался сквозь листву. Пахло влажной землёй, прелыми листьями и чем-то терпким, незнакомым. Под ногами пружинил мох, меж корней лежали камни, поросшие зелёным налётом.

Шли медленно, прислушиваясь к каждому звуку.

Порой впереди хрустела ветка, и оба замирали. Порой над головой вдруг взлетала птица, и женщина вздрагивала. Несколько раз они видели следы зверей, но идти по ним не

стали.

Постепенно лес начал редеть.

Впереди открылась долина, которой они прежде не видели.

Она была такой широкой, что дальний край терялся в голубоватой дымке. По дну извивалась река, поблёскивая на солнце. За рекой поднимались холмы, а дальше, там, где земля сливалась с небом, стояли горы. Вершины тонули в облаках, и нельзя было понять, где кончается камень и начинается небо.

Женщина остановилась.

Она никогда не видела ничего подобного. По крайней мере, не могла вспомнить.

Ветер коснулся лица, принёс запах травы и далёкой воды. Перед ней лежал мир, которому не было дела до того, кто она, откуда пришла и почему оказалась здесь.

Он не предлагал ответов.

Не обещал укрытия.

Не спрашивал, страшно ли ей.

Он просто был.

И вдруг она ощутила нечто неожиданное — не страх, а почти болезненное облегчение.

Впервые с пробуждения ей не нужно было немедленно понимать, что происходит. Перед этой огромной землёй её собственная неизвестность переставала казаться единственной тайной во Вселенной.

Быть может, мир никогда и не был обязан объяснять себя человеку.

Быть может, это человек однажды решил, что всё сущее должно иметь объяснение, и с тех пор не знает покоя.

— Что ты видишь? — спросил мужчина.

Она долго не отвечала.

— Ничего, что ждало бы нас.

Он посмотрел на неё, потом на долину.

— А что должно было нас ждать?

— Не знаю. Может, в этом и дело.

Он хотел улыбнуться, но передумал. Её слова почему-то показались ему важнее, чем она, наверное, думала.

Они стояли рядом, два человека, которым не принадлежало ничего, кроме того, что можно удержать в руках. А перед ними лежала земля без дорог, без домов, без следов человеческого труда.

Ни один знак не говорил, что они пришли слишком рано.

Ни один не говорил, что опоздали.

Впервые они увидели мир, не делящий время на прошлое и будущее. Для реки не существовало вчерашнего дня. Горам было всё равно, что однажды кто-то назовёт их древними. Трава росла, вода текла, облака двигались над землёй.

Только человеку, казалось, нужно знать, когда всё началось и чем должно кончиться.

— Иногда мне кажется, что мы здесь случайно, — сказала женщина.

Мужчина посмотрел на неё.

— А если нет?

Она обернулась.

— Тогда кто нас сюда привёл?

Он не ответил.

Вопрос повис между ними, и оба ощутили привычное желание немедленно заполнить молчание догадкой. Придумать объяснение, пусть неверное. Найти хоть одну мысль, за которую можно ухватиться.

Но на этот раз они позволили вопросу остаться без ответа.

Не потому, что перестали искать.

Просто впервые поняли, что неизвестность не всегда нужно сразу чем-то заполнять.

* * *

Они спустились к реке.

Вода оказалась холодной и быстрой. На мелководье круглились камни, а у противоположного берега рос кустарник с мелкими тёмными плодами. Мужчина осторожно попробовал один и тут же выплюнул: горечь заставила его скривиться.

Женщина рассмеялась.

Смех прозвучал неожиданно громко среди деревьев. Она сама удивилась ему, будто услышала чужой голос. Потом улыбнулся и мужчина, и на несколько мгновений их мир стал проще. Они были просто двумя людьми, которым удалось избежать очередной ошибки и которые нашли в этом повод

для радости.

Наверное, счастье редко приходит в том виде, в каком его ждёшь.

Порой оно не означает, что всё хорошо.

Порой оно означает лишь то, что сейчас не происходит ничего плохого.

Чуть позже они заметили на мягкой земле следы.

Большие, глубокие отпечатки шли вдоль берега и пропадали в кустах. Они были куда крупнее следов, виденных прежде. Местами земля была разрыта, будто здесь недавно прошёл кто-то тяжёлый.

Мужчина присел и провёл пальцами по краю отпечатка.

— Большой зверь.

Женщина посмотрела на следы, потом на лес.

— Он может быть опасен?

— Может.

— А если мы его встретим?

Он поднялся.

— Тогда постараемся не оказаться рядом.

Она хотела спросить, что они будут делать, если встречи не избежать, но не стала. Не всякий страх уменьшается оттого, что его называют вслух.

Они пошли обратно.

На обратном пути женщина несколько раз оглянулась на долину. Ей хотелось её запомнить — не из страха забыть, а потому что впервые с пробуждения она увидела нечто, не

обязанное оправдывать своё существование.

Долина не была красивой ради них.

Река не текла ради них.

Горы не поднимались к небу ради того, чтобы кто-то однажды замер перед ними в изумлении.

И всё же человек мог увидеть красоту.

В этом была странная загадка: миру не нужен человеческий взгляд, но, появившись, человек способен наделить его смыслом, которого раньше не было.

Или, быть может, этот смысл всегда принадлежал миру, а человек лишь научился его замечать.

Женщина не знала, какая из мыслей верна.

Она чувствовала только, что обе имеют право на жизнь.

* * *

К вечеру они вернулись в своё убежище.

Усталость пришла не сразу. Сначала было радостно снова увидеть знакомые камни, почувствовать запах золы, услышать привычное журчание ручья. Но когда мужчина опустился у огня, женщина заметила, что он задумчив.

— Ты всё время молчишь.

— Думаю о том, что мы видели.

— О следах?

Он покачал головой.

— Нет. О долине.

Она села рядом.

— Что с ней?

Мужчина какое-то время смотрел на пламя.

— Мы прожили здесь несколько дней и решили, что знаем этот мир. А сегодня вышли за пределы привычного, и оказалось, что мы почти ничего не знаем.

— Это естественно.

— Да. Но меня беспокоит другое.

Он поднял на неё глаза.

— А если всё, что мы считаем правдой, лишь малая часть того, что есть?

Женщина задумалась.

— Разве это плохо?

— Не знаю. Мне всегда хочется понимать, что происходит. Но чем больше я думаю, тем больше вопросов.

— Может, так и должно быть.

— Ты говоришь так, будто тебе это нравится.

Она слабо улыбнулась.

— Мне не нравится ничего не знать. Но ещё меньше мне нравится придумывать ответы только потому, что я не выношу неизвестности.

Он посмотрел на неё внимательнее.

В её словах была простая мысль, которую он почему-то никогда прежде не рассматривал всерьёз.

Человек боится не столько неизвестного, сколько пустоты, которую оно оставляет в сознании. И тогда он заполняет её богами, теориями, историями, объяснениями. Одни верны, другие нет, но почти все помогают жить дальше.

Однако, если объяснение становится важнее истины, человек однажды перестаёт искать и принимается защищать собственную версию мира от всего, что ей противоречит.

Мужчина посмотрел на огонь.

— А если мы никогда не узнаем, почему оказались здесь?

Женщина ответила не сразу.

— Тогда нам всё равно придётся решать, что делать дальше.

— И этого будет достаточно?

— На следующий день — да.

Он задумался.

Жизнь, наверное, никогда не требовала от человека знания всей дороги. Порой довольно было видеть несколько шагов впереди и не отворачиваться от того, что лежит под ногами.

Но где-то глубоко внутри жило ощущение, что их неизвестность не такая, как у всех.

Не доказательство.

Не воспоминание.

Лишь едва заметная трещина в уверенности, что всё случившееся с ними можно объяснить простой случайностью.

Женщине он об этом не сказал.

Пока.

* * *

Ночью ему приснилась дорога.

Гладкая, светлая, она уходила вдаль и терялась в ослепи-

тельном сиянии. По сторонам не было ни деревьев, ни камней, ни травы. Только белая поверхность, бесконечно тянущаяся в неизвестность.

Мужчина стоял один.

Он не знал, куда должен идти, но чувствовал, что опаздывает.

Где-то впереди звучал голос. Слов было не разобрать, но в нём слышались настойчивость, почти отчаяние. Он шагнул, потом ещё, пытаясь приблизиться к источнику звука.

И вдруг понял, что дорога ведёт не вперёд.

Она возвращается туда, откуда началась.

Он остановился.

Впервые за весь сон ему стало страшно не оттого, что он не знал, куда идти, а оттого, что, быть может, он уже проходил этот путь.

Он хотел обернуться, но не смог.

Сияние впереди стало ярче.

И голос произнёс одно слово.

— Начало.

Мужчина проснулся.

Огонь ещё горел. Рядом спала женщина, укрывшись тонкими ветками и травой. За стенами убежища шумел ночной лес.

Он долго сидел неподвижно, пытаясь понять, что его разбудило.

Слово.

Всего лишь слово, которое могло родиться из чего угодно: из случайного сочетания звуков, из мысли, которой он прежде не замечал, из самого сна.

Он не знал, что оно значит.

Но впервые ему показалось, что неизвестность не просто окружает его.

Быть может, она ждёт от него чего-то.

Он посмотрел на женщину. Ему захотелось разбудить её, рассказать о сне, услышать её голос и убедиться, что всё это только воображение.

Но он не стал.

Вместо этого снова лёг, закрыл глаза и придвинулся чуть ближе к её дыханию. Слово понемногу стало тише.

Начало.

Он не знал, почему оно пришло к нему.

Не знал, что должно начаться.

И не мог предположить, что в далёком будущем, которого он не помнил, люди однажды произнесут это же слово, надеясь остановить конец собственного мира.

Можно ли спасти человечество, вернув его к началу, если никто не способен доказать, что это начало было первым?

А если начало однажды станет концом, останется ли у времени возможность идти дальше?

Огонь тихо потрескивал в темноте, и ночь, ничего не знавшая о человеческих вопросах, продолжала свой путь над древней землёй.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.
Цена сострадания

Лес понемногу наполнялся звуками.

Где-то высоко перекликались птицы, в густой листве шевелилась мелкая живность, а солнце пробивалось сквозь кроны и ложилось на землю длинными золотистыми полосами. Воздух пах нагретой корой, травой и сырой землёй. У укрытия тихо потрескивал костёр, и над ним тянулась тонкая струйка дыма.

Женщина перебирала вчерашние плоды, откладывая те, в которых не была уверена. Неподалёку мужчина расщеплял сухую ветку на тонкие лучины.

За эти дни они привыкли к простым занятиям. У каждого появились свои заботы, и даже молчание между ними стало привычным, как давно знакомая комната. Иногда им чудилось, что они знают друг друга куда дольше, чем способны вспомнить. Но стоило заглянуть в прошлое, и перед ними снова разверзалась пустота.

Это утро ничем не отличалось от прежних. Пока из леса не донёсся звук.

Сначала едва слышный, короткий, прерывистый писк. Женщина подняла голову. Через несколько мгновений звук повторился. В нём было что-то беспомощное, почти отчаян-

ное.

Она медленно повернулась к зарослям.

— Ты слышал?

Мужчина отложил ветку.

— Слышал.

Оба замолчали.

Из глубины леса долетел ещё один звук, громче прежнего. Потом затрещали ветви, будто кто-то бился в кустах, пытаясь вырваться.

Женщина встала.

— Там кто-то есть.

— Мы не знаем, кто.

— Но ты же слышишь.

— Поэтому и говорю: не знаем.

Она уже смотрела в сторону леса. На её лице появилось выражение, которого он раньше не видел: тревога пополам с жгучей, почти болезненной потребностью помочь.

— Это похоже на зов о помощи.

— Звери тоже кричат, когда им больно.

— Тем более.

Мужчина тяжело вздохнул. Он понимал, что она не отступит. Но и сам не смог бы остаться у костра и спокойно строгать ветки, пока из чащи несётся этот звук.

Он вдруг понял, что боится не столько неведомого существа, сколько того, что окажется рядом с ним. В этом мире опасность не предупреждала о своём приходе. И всё же

сидеть в безопасности, когда совсем рядом кто-то мучается, оказалось неожиданно трудно.

— Возьми палку, — сказал он. — И держись рядом.

Они двинулись к зарослям.

* * *

Чем ближе они подходили, тем отчётливее становился звук.

К нему примешалось тяжёлое, прерывистое дыхание. Раскачивались ветки, дрожала листва, и время от времени слышался глухой удар, словно кто-то колотил по земле.

Мужчина остановился первым.

— Осторожно.

Длинным суком он раздвинул ветви и заглянул внутрь.

В небольшой низине, среди переплетённых корней поваленного дерева, лежало молодое животное.

Оно было величиной с крупную собаку, на тонких ногах, в короткой бурой шерсти. Одну заднюю лапу зажало между толстыми корнями, поперёк тела лежала тяжёлая ветка, а на боку темнела неглубокая рана.

Заметив людей, зверь рванулся.

Тело выгнулось, лапы заскребли по земле, из горла вырвался тонкий, почти детский вскрик. Но корни держали. Животное упало, тяжело дыша, и уставилось на пришедших широко раскрытыми глазами.

Женщина невольно шагнула вперёд.

— Бедное…

— Не спеши, — остановил её мужчина. — Оно напугано. Может укусить.

Она присела на корточки, стараясь двигаться медленно.

— Тише… Всё хорошо…

Зверь не понимал слов. Он лишь сильнее вжался в землю, следя за каждым её движением.

Она видела, как часто вздымаются его бока. Он пытался дышать ровно, но каждый вдох обрывался коротким дрожащим всхлипом. Ей хотелось протянуть руку, коснуться его головы, дать понять, что боль скоро кончится. Но она боялась напугать его ещё сильнее.

Мужчина осмотрел поваленное дерево. Тяжёлая ветка придавила тело, а корни крепко охватили заднюю лапу. Животное, вероятно, угодило сюда, пытаясь выбраться, и чем яростнее рвалось, тем прочнее застревало.

— Нужно убрать ветку, — сказала женщина.

— Она слишком тяжёлая.

— Вдвоём справимся.

Он огляделся, нашёл длинный крепкий сук и подвёл его к стволу.

— Попробуем приподнять здесь. Но слушай меня: если дерево сдвинется, отойди.

Женщина кивнула.

Он подсунул сук под ветку и надавил. Дерево чуть заметно поддалось. Мышцы напряглись, на лбу выступила испарина.

— Ещё немного, — выдавил он сквозь зубы.

Женщина потянулась к тонкому корню, державшему лапу.

— Подожди. Оно может испугаться.

— Оно уже напугано.

— Я вижу.

Она осторожно протянула руку, но животное дёрнулось, и зубы щёлкнули совсем рядом с её пальцами.

Женщина отшатнулась.

— Осторожно! — резко бросил мужчина.

На миг он ослабил нажим, чтобы убедиться, что она цела.

— Я же предупреждал.

— Оно не понимает, что мы хотим помочь.

— А ты уверена, что оно вообще позволит?

Она посмотрела на зверя. Тот лежал неподвижно, только бока быстро ходили. В его глазах был такой ужас, что она снова опустилась на колени.

— Если мы уйдём, оно здесь погибнет.

Мужчина промолчал.

Он смотрел на тонкую лапу, зажатую между корнями, потом на женщину. Рисковать не хотелось. Они и без того так мало знали об этом мире, а теперь собирались бороться с тяжёлым деревом ради существа, которое при первой возможности могло их покалечить.

Но он видел, как она смотрит на животное, и понимал: даже если сейчас заставить её уйти, мыслями она будет возвращаться к этому месту ещё долго.

— Хорошо. Только не торопись.

Он снова упёрся в сук.

Теперь они действовали осторожнее. Мужчина медленно приподнимал ветку, а женщина пыталась высвободить лапу. Сначала ничего не выходило. Корни будто вросли в шерсть и кожу, держа зверя в неподвижной ловушке.

— Ещё чуть-чуть, — выдохнула она.

— Долго не удержу.

— Подожди!

Она нашла небольшой камень и попыталась поддеть им тонкий корень. Корень не поддавался. Она сменила позу, упёрлась плечом в землю и потянула обеими руками.

Ветка над ними угрожающе скрипнула.

— Осторожно! — крикнул мужчина.

Но в этот миг животное рванулось.

Раздался сухой треск. Сук выскользнул из-под ствола, и тяжёлая ветка с глухим ударом рухнула вниз.

Мужчина успел отдёрнуть руку, но острый обломок прочертил ему предплечье.

Он резко втянул воздух.

На коже вспыхнула длинная красная полоса, и почти сразу из неё проступила кровь.

— Ты ранен! — женщина бросилась к нему.

— Не сейчас!

Он зажал рану ладонью, но тут же посмотрел на зверя.

Тот по-прежнему был в ловушке.

Женщина замерла. На лице мелькнуло отчаяние. Она видела кровь на его руке, видела, как он сдерживает боль, и не знала, что делать.

Всё произошло так быстро, что испугаться по-настоящему она не успела. Страх пришёл теперь, тяжёлый, запоздалый. Она представила, что было бы, окажись обломок глубже, упади ветка на его руку, не успей он отдёрнуться.

Продолжать стало страшно.

Но оставить зверя в ловушке было страшнее.

— Брось, — сказал он, перехватив её взгляд. — Сначала освободим его.

Он отыскал другой, потолще сук. На этот раз под него подложили камень, чтобы получить опору. Мужчина надавил. Ветка поднялась, но раненая рука дрогнула.

— Дай мне, — сказала женщина.

— Одна ты не удержишь.

— Тогда помоги.

Она встала рядом и вцепилась в сук обеими руками. Мужчина навалился плечом и здоровой рукой. Они нажали вместе.

Ветка медленно пошла вверх.

Сначала на ширину пальца.

Потом ещё немного.

Он чувствовал, как напряглись спина и плечи. Сук угрожающе прогибался. Долго они не выдержат, и если ветка упадёт снова, всё может кончиться гораздо хуже.

— Сейчас! — выдохнул он.

Женщина потянула корень в сторону. Корень уступил, но зверь снова забился, пытаясь вырваться раньше времени.

— Подожди! Не двигайся! — крикнула она, хотя знала, что он её не слышит.

Ещё рывок.

Корень соскользнул с лапы.

На мгновение всё замерло.

Животное лежало неподвижно, не веря, что ловушка исчезла. Потом медленно вытянуло освобождённую лапу, попыталось встать и снова рухнуло на бок.

Женщина перестала дышать.

Ей показалось, что зверь не поднимется, что, несмотря на все усилия, они опоздали. Она смотрела на неподвижное тело и не решалась шевельнуться.

Но животное подняло голову.

Осторожно, потом увереннее оно упёрлось в землю передними лапами. Освобождённая нога дрогнула, но выдержала.

— Ну же… — едва слышно сказала женщина.

Зверь сделал неуверенный шаг.

Потом ещё один.

Их взгляды встретились.

В тёмных глазах всё ещё стоял ужас. Он не знал, что эти двое только что рисковали собой ради него и что он погиб бы, пройди они мимо. Для него они были такими же непонятными и опасными, как всё в этом огромном мире.

Женщина медленно протянула руку, но не коснулась.

— Всё… Теперь ты свободен…

Зверь вздрогнул, отступил, а потом, собрав последние силы, метнулся в заросли.

Хлестнули ветки, взметнулись листья, и через несколько мгновений он исчез.

Женщина осталась на коленях.

Она смотрела туда, где только что был зверь, и медленно улыбалась.

— Ушёл…

В её голосе было столько облегчения, будто спасли не маленькое дикое существо, а кого-то из них самих.

Она ещё несколько секунд не шевелилась. Только теперь до неё дошло, как близко всё было к беде. Она опустила взгляд на руки: пальцы дрожали, ладони были исцарапаны, под ногтями набилась земля.

Но зверь был свободен.

И этого хватило, чтобы на миг всё остальное потеряло значение.

Потом она увидела кровь на руке мужчины.

Улыбка погасла.

— Покажи.

— Царапина.

— Покажи.

Он протянул ей предплечье.

Порез оказался длиннее, чем ему сперва показалось.

Кровь стекала к запястью тонкой красной дорожкой.

Женщина побледнела.

— Ты мог серьёзно пострадать.

— Но не пострадал.

— А если бы ветка упала иначе?

Он взглянул на неё.

В её голосе дрожало что-то большее, чем обычная тревога.

Она по-настоящему испугалась его потерять.

И он вдруг ощутил, что эта мысль ранит сильнее, чем порез.

* * *

Они вернулись к ручью.

Женщина помогла промыть рану чистой проточной водой. Холод коснулся повреждённой кожи, и мужчина невольно поморщился.

— Больно?

— Немного.

Она осмотрела порез, потом взялась за край своей одежды и оторвала длинную полосу ткани. Смочила её в ручье, осторожно промыла рану, стараясь не причинить лишней боли, сложила ткань в несколько слоёв и аккуратно обернула предплечье.

Пальцы двигались уверенно, но напряжение ещё не отпустило её.

— Без нужды не мочи повязку, — сказала она.

— Постараюсь.

— И рану не трогай.

— Хорошо.

Она закончила, но руки не убрала. Ещё несколько мгновений её пальцы лежали на его запястье, и он чувствовал, как они едва заметно дрожат.

— Я не хотела, чтобы ты пострадал.

— Я знаю.

— Может, нам не стоило вмешиваться.

Мужчина посмотрел в ту сторону, где скрылся зверь.

— Может быть.

— Но я всё равно не жалею.

Он повернулся к ней.

— Я тоже.

Она удивлённо подняла глаза.

— Правда?

— Правда. Только в следующий раз постараюсь не подставлять руку под падающее дерево.

Теперь она улыбнулась.

Но улыбка быстро угасла, уступив место задумчивости.

— Странно, — сказала она. — Мы почти ничего не знаем об этом мире. Не знаем, кто здесь живёт, что опасно, а что нет. Иногда мне кажется, что нужно быть осторожнее. Гораздо осторожнее.

— Наверное, нужно.

— Но когда я услышала его крик, я не смогла пройти ми-

мо.

Мужчина какое-то время смотрел на воду.

— Может быть, в этом и есть отличие между нами и миром вокруг.

— В чём?

— Мы можем остановиться, даже если нам с этого ничего не достанется.

Женщина задумалась.

— Но мы ведь не знаем, почему остановились. Из жалости? Из страха перед тем, что почувствуем, если оставим его умирать? Или просто не смогли иначе?

— А разве это обязательно разное?

Она не ответила.

Вода бежала между камнями, унося бледные красноватые следы.

Мужчина смотрел на них и думал о том, как легко одно человеческое решение меняет ход событий. Они могли пройти мимо. Могли не расслышать слабый звук. Могли решить, что неизвестное слишком опасно.

Но они остановились.

Теперь на его руке была повязка, а где-то в лесу маленькое животное впервые за долгое время снова могло бежать.

Ничего великого не случилось.

Никто не видел их поступка.

Никто не сказал спасибо.

Но почему-то обоим казалось, что этот день не должен

исчезнуть бесследно.

* * *

Вечером мужчина сидел у огня, стараясь не шевелить раненой рукой.

Женщина готовила найденные плоды. Время от времени она поглядывала на повязку, будто боялась, что рана вновь начнёт кровоточить.

— Можешь не проверять мою руку каждые несколько минут, — сказал он.

— Могу.

Но через минуту она снова посмотрела.

Он улыбнулся.

— Ты волнуешься.

— Конечно, волнуюсь.

Она сказала это так просто, что оба на миг замолчали.

Раньше они говорили о том, что нужно помогать друг другу. Что вдвоём легче выжить. Что нельзя бросать другого в беде.

Теперь это было не правило, которое они сами себе установили.

Ей было не всё равно, что с ним происходит.

Не потому, что без него пришлось бы одной искать пищу и беречь огонь.

А потому, что он был именно он.

Женщина села рядом.

— Знаешь, я сегодня кое о чём подумала.

— О чём?

— Окажись я одна, я бы никогда не решилась на то, что мы сделали.

— Я тоже.

— Значит, мы помогаем друг другу становиться смелее?

Мужчина посмотрел на неё.

— Или глупее.

Она рассмеялась.

Смех вышел лёгким, неожиданным. Он тоже засмеялся, и на несколько мгновений их тесное укрытие наполнилось звуком, совершенно чужим для этого древнего мира.

Потом женщина осторожно коснулась его плеча.

— Всё-таки я рада, что ты рядом.

Он посмотрел на неё и не сразу нашёл слова.

Самые простые фразы порой даются тяжелее всего.

— Я тоже, — сказал он наконец.

Она отвернулась к огню.

А он ещё долго смотрел на неё, пытаясь понять, почему эти два слова прозвучали так, будто он сказал гораздо больше.

Ему хотелось спросить, отчего она так испугалась за него. Хотелось признаться, что и сам он в ту минуту думал не только о том, как освободить зверя. Когда ветка сорвалась и он увидел её лицо, первой мыслью было не «я ранен», а «лишь бы не она».

Но он промолчал.

Некоторые чувства ещё не получили имён. Они и сами пока не знали, что с ними происходит.

* * *

Ночью мужчина проснулся от тупой боли в руке.

Костёр почти погас. Женщина спала неподалёку, повернувшись к нему лицом.

Он осторожно приподнялся и осмотрел повязку. Кровь не проступала. Рана ныла, но слабее, чем днём.

Он снова лёг.

За стенами укрытия шевелился лес. В темноте перекликались ночные звери. Мир продолжал свою огромную, равнодушную жизнь.

Мужчина думал о существе, которое они освободили.

Он не знал, выживет ли оно, найдёт ли своих, сможет ли снова бегать, забудет ли страх. Но ему хотелось верить, что оно будет жить.

Он вспомнил его глаза, широко раскрытые, полные ужаса. Вспомнил, как тонкая лапа наконец выскользнула из корней, как зверь не поверил собственной свободе, а потом пропал среди деревьев.

Взамен они не получили ничего. Не стали сильнее, не нашли пищи, не обрели нового убежища. Напротив: теперь у него болела рука, а у неё была испорчена одежда.

И всё же он не чувствовал, что они ошиблись.

Рядом тихо шевельнулась женщина.

Не просыпаясь, она придвинулась ближе, и её рука легла

ему на плечо.

Он замер.

Это было случайное движение спящего человека. Ничего больше.

Но по плечу разлилось неожиданное тепло. Он лежал не шевелясь, боясь даже глубоко вздохнуть, чтобы не спугнуть её сон и не лишить себя этого прикосновения.

Быть может, сострадание начинается не с великих поступков, а с простого желания, чтобы другому не было больно.

А порой с желания, чтобы человек рядом с тобой остался жив.

Он закрыл глаза.

Пока они были всего лишь двумя живыми существами посреди огромного древнего мира.

Но в этот день они сделали первый выбор, который нельзя было измерить пользой для собственного выживания.

Они остановились ради другого.

И, возможно, именно с таких незаметных решений однажды начинается всё, что мы называем человечностью.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Чужая боль

Накануне рана начала гореть.

К вечеру вокруг повязки вздулась краснота, рука налилась тяжёлой болью, а потом пришёл жар. Мужчина сначала шутил, потом замолчал, потом перестал узнавать собственный голос. Женщина всю ночь меняла на его лбу и предплечье лоскуты, смоченные в ручье, поила его с ладони, а когда он метался, шептала, сама не зная кому: «Только не уходи. Только не уходи».

Она не знала, чем ещё помочь. Не помнила ничего, что подсказало бы, как лечат раны. Могла лишь приносить холодную воду и сидеть рядом.

К рассвету жар наконец спал.

Мужчина проснулся от запаха дыма.

Костёр ещё горел, пусть и слабо. Рядом, прислонившись к каменной стене, сидела женщина. Она уснула сидя, голова чуть склонилась набок, рука лежала возле его плеча.

Он смотрел на неё не шевелясь.

Вчера ему казалось, что он может потерять всё, чего даже не успел понять. Теперь он видел, что и она заплатила за его беспомощность бессонной ночью и страхом.

Он осторожно пошевелил пальцами здоровой руки.

Она проснулась почти сразу.

— Ты очнулся?

— Да.

Она тут же придвинулась и приложила ладонь к его лбу.

— Жар как будто спал.

В её голосе было столько облегчения, что скрыть его она даже не пыталась.

— Выглядишь хуже меня, — сказал он.

— Я не умею болеть красиво.

Он улыбнулся.

Женщина поднялась и указала на кусок коры, свёрнутый чашей и стоявший у огня. В ней лежало несколько спелых плодов, которые она успела собрать поблизости, пока он спал. Часть она размяла, чтобы ему было легче есть.

— Нашла немного. Поешь, тебе нужны силы.

— А ты ела?

— Потом. Сначала ты.

Она подала ему плоды и села рядом, внимательно следя, как он ест. Он проглотил несколько кусочков и посмотрел на неё.

— Вкусно.

— Не притворяйся. Они невкусные.

— Зато приготовлены с заботой.

Она покачала головой, но улыбнулась.

Он съел ещё немного. Ему и правда нужно было набираться сил, а она, казалось, радовалась каждому кусочку.

Потом снова осмотрела рану. Краснота ещё держалась, но боль, судя по его лицу, отпустила. Опасность не обязательно

миновала, и женщина решила не спускать с раны глаз.

— Сегодня ты никуда не пойдёшь.

— Это я уже понял.

— И завтра, наверное, тоже.

— Похоже на плен.

— Зато живой пленник.

Он посмотрел на неё и тихо рассмеялся.

В этот раз смех не причинил боли.

* * *

День тянулся медленно.

Мужчина был ещё слаб, но уже мог сидеть и говорить. Женщина принесла ему еды и села рядом.

Какое-то время они молчали.

Потом он спросил:

— Почему ты осталась?

Она взглянула на него.

— Что?

— Ты могла заниматься делами. Искать пищу, ходить по окрестностям. Не обязательно было сидеть рядом со мной всю ночь.

Женщина опустила глаза на руки.

— Знаю.

— Тогда почему?

Она долго не отвечала. Ей хотелось найти слова, которые не прозвучали бы ни слишком громко, ни слишком просто.

— Потому что я не могла представить, как проснусь одна,

— сказала она наконец. — А тебя не будет.

Он смотрел на неё, не отводя глаз.

— Ты же почти ничего обо мне не знаешь.

— Я знаю, как ты смотришь на лес, прежде чем в него войти. Знаю, что ты сначала проверяешь воду, а потом пьёшь. Что шутишь, когда тебе больно. Что иногда просыпаешься ночью и долго глядишь на огонь.

Она помолчала.

— Не знаю, кем ты был раньше. Но знаю, кто ты сейчас.

Мужчина опустил голову.

Эти слова задели его сильнее, чем он ожидал. В горле встал ком, и несколько мгновений он не мог ответить.

Может быть, до того утра на берегу он и вправду был другим человеком. У него могла быть другая жизнь, другие люди, другие чувства. Но всё это осталось за закрытой дверью.

А здесь, в тесном укрытии, сидела женщина, которая помнила его привычки лучше, чем он сам.

— А если однажды мы всё вспомним? — спросил он.

— Тогда узнаем.

— А если окажется, что мы были совсем другими?

Она посмотрела на огонь.

— Не знаю, что тогда будет. Но я не хочу, чтобы воспоминания отняли у нас то, что появилось теперь.

Он осторожно протянул здоровую руку и коснулся её пальцев.

Она не отстранилась.

Их руки лежали рядом на подстилке, едва соприкасаясь.

Больше никто не произнёс ни слова.

Но в этом молчании было больше, чем они пока умели сказать.

* * *

К вечеру мужчина почувствовал себя лучше.

Женщина настояла, чтобы он ещё несколько дней не вставал. Он ворчал, но уже не спорил так упрямо.

Ветер качал верхушки деревьев, вдали кричала птица, между камней бежала тонкая струйка воды.

Женщина сидела у входа и смотрела на закат.

Мужчина подошёл и осторожно опустился рядом.

— Тебе нельзя долго сидеть, — заметила она.

— Належался.

Она покачала головой, но улыбнулась.

Они молча смотрели, как последние лучи гаснут за деревьями.

— Знаешь, — сказал мужчина, — раньше я думал, что самое страшное здесь — остаться одному.

— А теперь?

Он повернулся к ней.

— Теперь знаю, что страшнее успеть к кому-то привязаться.

Женщина медленно обернулась.

Он не отвёл взгляда.

Она ничего не ответила. Только осторожно, чтобы не за-

деть раненую руку, положила голову ему на плечо.

Он чуть повернулся, чтобы ей было удобнее, и позволил ей остаться.

В ту ночь они заснули у огня.

Снаружи древний мир жил своей жизнью, не замечая двух существ, которые мало-помалу становились друг другу чем-то большим, чем просто спутники.

Но теперь у каждого было то, чего прежде не было.

Человек, без которого мир уже казался бы пустым.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Наследство

Через два дня ночью разыгралась непогода.

Сначала хлынул ливень, потом налетел ветер и принялся раскачивать деревья, пригибая молодые стволы к самой земле. Порывы пробирались под навес, срывали листья и швыряли их внутрь убежища. Вода сочилась сквозь крышу, стекала по стенам и собиралась на земле лужицами.

Несколько раз мужчина и женщина просыпались от громких ударов веток о камни. Приходилось вставать, поправлять сползающие ветви и пытаться уберечь подстилку от воды. Но стихия оказалась сильнее.

К утру дождь стих.

Мужчина проснулся раньше. Он лежал неподвижно, прислушиваясь к лесу. Слабость ещё не прошла совсем, но жар отступил. Рука болела, когда он ею двигал, но боль стала тупее, не такой острой.

Он осторожно повернул голову.

Женщина тоже проснулась и села, оглядывая убежище. Выглядело оно невесело: подстилка частично намокла, несколько веток ослабли и сдвинулись, заготовленные дрова отсырели.

— Кажется, нам опять всё переделывать, — сказала она.

Мужчина посмотрел на повреждённую стену.

— Наша крыша испытания не выдержала.

Она невольно улыбнулась.

Они перекусили остатками плодов. Еды было мало, но хватило, чтобы утолить первый голод и набраться сил перед работой.

Потом женщина поднялась и посмотрела на него.

— Сначала покажи руку.

— И тебе доброе утро.

— Доброе утро. Руку.

Он послушно протянул предплечье.

Она осторожно сняла повязку. Рана была ещё заметна, но выглядела спокойнее: краснота спадала, припухлость почти сошла.

Женщина долго её рассматривала.

— Лучше.

— Значит, я могу работать?

— Значит, можешь не мешать мне работать.

Он рассмеялся.

Она тоже улыбнулась, но тут же приняла строгий вид.

— Тяжёлого не поднимай. И повязку не мочи.

— Ещё распоряжения есть?

— Есть. Не геройствуй.

— Вот это сложнее всего.

Она покачала головой.

И только после этого они взялись за дело.

* * *

Укрытие выглядело печально.

Буря оставила следы повсюду. Несколько веток боковой стенки выскользнули из креплений, камни у основания сместились, вода натекла внутрь и намочила часть подстилки.

Мужчина остановился у входа.

— Дом пережил не лучшую ночь.

— Зато дождался утра, — ответила женщина.

Она присела у стены и попыталась поправить ветку. Та поддалась, но тут же соскользнула обратно.

— Надо укрепить основание, — сказала она. — И поднять дрова повыше. Иначе после следующего дождя опять останемся без сухого топлива.

— Сначала крыша.

— Сначала дрова.

— Если протечёт крыша, дрова всё равно намокнут.

— А без сухих дров нам нечем будет согреться.

Они посмотрели друг на друга.

— У нас, похоже, серьёзное разногласие, — заметил мужчина.

— Похоже, нам нужно разделиться.

— Разумное предложение.

Он сел на камень и принялся отбирать уцелевшие сухие щепки. Женщина занялась стеной.

Работа шла медленно.

Мужчина рвался помогать больше, но стоило ему забыть о больной руке, как женщина одним взглядом напоминала о ней. В конце концов он перестал спорить и занялся тем, что

можно сделать одной рукой.

Он перебирал ветки, выбирал по толщине, очищал от лишней коры. Женщина таскала камни и выкладывала их у основания стены.

Иногда они разговаривали, иногда молчали.

В какой-то момент он заметил, что она бьётся с длинной веткой, которая всё время выскальзывала из рук.

— Подожди, — сказал он.

— Справлюсь.

— Не сомневаюсь. Но, по-моему, ветка с тобой не согласна.

Он подошёл и придержал её здоровой рукой.

Женщина закрепила другой конец между камнями.

— Вот так.

— Видишь? Мы отличная команда.

— Пока один из нас не пытается работать за двоих.

— Намёк понял.

Она улыбнулась.

И эта улыбка почему-то сделала обычное утро особенным.

* * *

К полудню они укрепили стену.

В укрытии стало чуть теснее, зато боковая часть теперь держалась надёжно. Женщина устроила из камней и сухих веток небольшое возвышение, где можно было складывать дрова. Мужчина предложил сделать навес из широких листьев, и после нескольких неудачных попыток его удалось

закрепить так, чтобы вода стекала в сторону.

Они отступили на несколько шагов и посмотрели на дело рук своих.

— Теперь лучше, — сказала женщина.

— Намного.

Он оглядел убежище.

Ничего особенного. Несколько камней, ветки, листья, небольшое место для огня. Посторонний, увидев это, не понял бы, чему так радуются двое взрослых людей.

Но для них это было больше, чем крыша над головой.

Здесь они пережили первую холодную ночь. Здесь зажгли свой первый огонь. Здесь спорили, боялись, смеялись и молчали. Здесь женщина сидела у постели больного, почти не смыкая глаз, а он впервые понял, как страшно потерять человека, чьего прошлого не помнишь.

Это место уже хранило их маленькую историю.

— Знаешь, — сказала женщина, — раньше мне казалось, что мы просто каждый день стараемся дожить до утра.

— А теперь?

Она посмотрела на укреплённую стену.

— Теперь мне кажется, что мы начинаем строить то, что должно пережить не одну ночь.

Мужчина проследил за её взглядом.

— Ты о доме?

— Наверное.

— Странно. Мы даже не знаем, сколько здесь пробудем.

— А разве нужно знать?

Он задумался.

— Нет. Наверное, не нужно.

Женщина подняла с земли веточку и бросила в сторону.

— Мне кажется, мы всё время ждём объяснения. Почему оказались здесь, что было раньше, что будет потом. А пока ждём, жизнь проходит.

— И что ты предлагаешь?

— Жить, пока ждём.

Он улыбнулся.

— Почти мудрость.

— Не привыкай. Каждый день я такое не говорю.

* * *

После полудня они решили передохнуть.

Солнце пробивалось сквозь облака, и на земле появились светлые пятна. В воздухе вились мелкие мошки. Где-то неподалёку стучала птица, будто проверяла клювом прочность дерева.

Женщина сидела у входа, перебирая собранные листья и откладывая те, что годились для подстилки. Мужчина устроился рядом.

— Как рука? — спросила она.

— Лучше.

— Не врёшь?

— Почти.

Она повернулась к нему.

— Почти?

— Немного болит.

Женщина осторожно коснулась его предплечья выше повязки.

— Если станет хуже, скажешь сразу.

— Обещаю.

Она вернулась к листьям.

Мужчина смотрел на её пальцы. Они двигались быстро и уверенно, хотя ногти были в земле, а на коже темнели мелкие царапины.

Он вдруг вспомнил, как она держала его руку той ночью, когда он горел.

Он не знал, почему именно эта подробность сохранилась так ясно. Может быть, потому, что тогда он впервые почувствовал себя совершенно беспомощным. И впервые понял, что кто-то способен бояться за него сильнее, чем он сам.

— О чём думаешь? — спросила она.

— О том, что ты много работаешь.

— А ты много наблюдаешь.

— Кто-то же должен.

Она бросила в него сухой листок.

Он поймал его здоровой рукой.

— Это нападение?

— Предупреждение.

— Тогда сдаюсь.

Она засмеялась.

Смех разлетелся по лесу и растворился в шелесте листьев.

* * *

Вечером они сидели у огня.

Пламя было небольшим, но ровным. Новое место для дров оказалось удачным: ветки остались сухими, и огонь больше не приходилось спасать от сырости.

Женщина протянула ладони к теплу.

Мужчина сидел напротив и смотрел, как свет отражается в её глазах.

— Как думаешь, — спросила она, — сколько мы здесь?

Он помолчал.

— Не знаю. Достаточно, чтобы перестать считать каждый день отдельно.

— Мне иногда кажется, что прошла целая жизнь.

— А иногда?

— А иногда, что мы только вчера открыли глаза.

Он посмотрел на огонь.

— Может, время здесь идёт иначе.

— Или это мы изменились.

Она произнесла это тихо, задумчиво.

Мужчина поднял взгляд.

— Ты стала другой?

— Не знаю. Я не помню, какой была раньше.

Она помолчала.

— Но я уже не та, что проснулась здесь в первый день.

— Почему?

Женщина посмотрела на него.

— Тогда я думала только о том, как выжить. А теперь иногда думаю о том, что будет завтра. И послезавтра.

— Это плохо?

— Нет. Наверное, так и выглядит перемена.

Он протянул руку к огню, подвинул ветку и смотрел, как пламя охватывает её сухую кору.

— Я тоже стал думать о будущем.

— О каком?

Он ответил не сразу.

— О том, что однажды здесь может быть не только двое.

Женщина опустила глаза.

Она не спросила, что он имеет в виду. Ей не нужно было уточнять.

Они помолчали.

В этом молчании не было неловкости. Только осторожное прикосновение к мысли, которую никто из них пока не решался произнести вслух.

— Как думаешь, что останется после нас? — вдруг спросил он.

Женщина подняла голову.

— После нас?

— Когда нас не станет. Если здесь больше никого нет, никто даже не узнает, что мы жили.

Она посмотрела на их убежище, на дрова, сложенные у стены, на камни, которыми они укрепили вход.

— Кто-нибудь однажды найдёт это место.

— И что поймёт?

— Что здесь кто-то был.

— Этого достаточно?

Она задумалась.

— Не знаю. Может, и нет. Но разве всё должно сохраняться вечно, чтобы иметь значение?

Мужчина не ответил.

— Посмотри, — продолжила она. — Завтра хлынет дождь, и часть нашей работы пропадёт. Упадёт дерево, и придётся строить заново. Но станет ли от этого сегодняшний день бессмысленным?

Он покачал головой.

— Нет.

— Значит, не всё измеряется тем, как долго оно простоит.

Она протянула ладони к огню.

— Может, главное в том, что мы сделали жизнь чуть легче. Себе. А если здесь появятся другие, они воспользуются тем, что мы оставили.

Мужчина посмотрел на неё.

— Ты думаешь о тех, кого ещё нет.

— А ты разве нет?

Он улыбнулся.

— Иногда.

Женщина снова перевела взгляд на пламя.

— Мне бы хотелось, чтобы они знали: до них здесь тоже

кто-то жил. Что мы не просто возникли из пустоты.

Эти слова отозвались в нём.

— А если однажды они спросят, кто был до нас?

Она долго молчала.

— Нам нечего будет ответить.

— Совсем?

— Мы не помним родителей. Не знаем, где родились, кто нас вырастил и кто научил говорить. Для них мы, наверное, будем первыми.

Последнее слово она произнесла с лёгкой грустью.

Мужчина посмотрел на свои руки.

— Но ведь это неправда.

— Да. Мы оба знаем, что до нас что-то было. Просто назвать не можем.

Он долго глядел в огонь.

Однажды кто-нибудь непременно задаст этот вопрос. Маленький голос спросит, откуда они пришли, кто был раньше, почему небо такое большое и почему река никогда не останавливается.

Что они ответят?

Что не помнят?

Что просто открыли глаза посреди огромного мира?

Что у них тоже были родители, но лиц их они не знают?

Его охватила странная печаль.

Не за себя.

За тех, кто, быть может, захочет узнать своё начало и не

найдёт ответа.

* * *

Ночь опустилась на лес.

Огонь стал ниже и оставил на стенах подвижные тени. Женщина уже лежала, свернувшись у стены, а мужчина ещё сидел у входа.

Он смотрел на площадку, которую они сегодня укрепили. На ветки под навесом. На камни, державшие стену.

Всё это было непрочным.

Ветер мог разрушить, дождь смыть, время стереть.

И всё же они это сделали.

Ему подумалось, что наследство, наверное, не всегда богатство, имя или память о человеке. Иногда это всего лишь сухие дрова, оставленные под навесом для того, кто придёт после тебя. Камень, положенный так, чтобы другой не поскользнулся. Укрытие, которое однажды убережёт кого-то от дождя.

Мелочи, о которых никто не расскажет.

Но благодаря им чья-то жизнь станет немного легче.

Он лёг рядом с женщиной.

Она, не открывая глаз, придвинулась ближе.

— Ты ещё не спишь? — тихо спросила она.

— Уже собираюсь.

— О чём думал?

Он повернулся к ней.

— О том, что мы сегодня сделали.

— Укрепили стену?

— Не только.

Она приоткрыла глаза.

— А что ещё?

Он помолчал.

— Кажется, мы впервые сделали что-то не только для себя нынешних.

Женщина смотрела на него в полумраке.

Потом положила ладонь ему на грудь, будто хотела убедиться, что он правда рядом. Под её рукой ровно и сильно билось сердце, и он вдруг подумал, что это и есть самое точное доказательство того, что они живы и что всё это не сон.

— Тогда, наверное, это и есть начало.

Он не стал спрашивать, какое именно.

За пределами укрытия ветер шевелил мокрую листву. Где-то в темноте зверь осторожно ступил на мягкую землю, замер и пошёл дальше.

Лес не хранил человеческой памяти.

Он не знал имён, не различал прошлого и будущего, не понимал, что значат слова «дом», «семья», «наследство».

Но в эту ночь двое людей впервые подумали о тех, кого ещё не существовало.

О тех, кто однажды придёт сюда, коснётся этих камней, воспользуется их трудом и даже не узнает, чьими руками он был сделан.

Они не знали, что именно так и начинается история: не с

громкого события, не с торжественной клятвы и не с имени, высеченного на камне.

Иногда история начинается с двух людей, которые просто не хотят, чтобы всё исчезло вместе с ними.

И которые впервые решают оставить что-то тем, кого пока не знают.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.
Ближе, чем вчера

Время не спрашивало у них разрешения.

Оно шло над лесом, меняло направление ветра, приносило дожди и ясные дни, то выводило реку из берегов, то возвращало в русло. Утро сменялось вечером, огонь гас и разгорался вновь, а незнакомый мир мало-помалу переставал казаться чужим.

Они больше не просыпались с мыслью, что могут умереть сегодня.

Во всяком случае, не каждое утро.

У них появилось убежище, которое уже можно было назвать домом. В углублении между камнями хранились сухие ветки. У входа лежали отобранные камни, которыми они научились колоть орехи и обтёсывать дерево. Женщина нашла место, где росли растения с крупными съедобными плодами, а мужчина научился различать звериные тропы и угадывать, когда лучше не выходить из укрытия.

Многого они ещё не знали.

Но теперь незнание не означало беспомощности.

Они учились.

И, сами того не замечая, привыкали друг к другу.

* * *

В тот день женщина собирала у ручья мелкие плоды, которые они уже пробовали раньше. Мужчина был неподалёку: он проверял ловушку, устроенную у узкого прохода между камнями.

Она выпрямилась, откинула волосы со лба и посмотрела в его сторону.

Он возился с ветками, сосредоточенно хмурясь. Время от времени останавливался, оценивал сделанное, ломал неудачную конструкцию и начинал заново.

Женщина улыбнулась.

Ей нравилось смотреть на него, когда он не знал, что за ним наблюдают.

Объяснить почему она не могла. Может быть, ей просто нравилось его лицо в минуты серьёзности. Или то, как он двигался: без лишней суеты, будто и в чужом мире старался отыскать порядок.

Но дело было не только в этом.

Рядом с ним она чувствовала себя иначе.

Не безопаснее, опасность никуда не делась. Скорее у мира теперь было две стороны: та, с которой она сталкивалась одна, и та, которую они могли встретить вдвоём.

Ей хотелось рассказывать ему обо всём, что с ней происходит, даже о самых простых вещах. Не потому, что они важны, а потому, что ей хотелось, чтобы он знал.

И это её удивило.

Она не помнила, была ли когда-нибудь так близка с дру-

гим человеком. Не знала, любила ли прежде. Не знала даже, умела ли доверять так, как доверяла ему сейчас.

Но отсутствие воспоминаний не мешало чувствам рождаться.

Оно лишь лишало её возможности сравнить их с чем-то прежним.

— Ты улыбаешься, — сказал мужчина.

Она вздрогнула. Он уже подошёл.

— Разве нельзя?

— Можно. Я просто пытаюсь понять, что тебя рассмешило.

— Ничего особенного.

— Тогда это, наверное, особенно интересно.

Она посмотрела на него с притворным недовольством.

— Ты всегда задаёшь столько вопросов?

— Не знаю. Может быть, раньше я был невыносим.

— Может быть?

— Я стараюсь быть честным.

Она рассмеялась.

Он улыбнулся в ответ.

Они постояли рядом, слушая воду. Потом мужчина протянул руку, чтобы помочь ей взобраться на скользкий камень.

Она взяла его за руку.

И не отпустила сразу.

Это длилось всего несколько мгновений. Но оба заметили.

Мужчина посмотрел на их соединённые руки, потом на неё.

Женщина первой отвела взгляд.

— Камень скользкий.

— Конечно.

Он произнёс это так серьёзно, что она снова рассмеялась.

Но когда они пошли обратно, он всё ещё чувствовал тепло её ладони.

А она — его.

И почему-то ни одному из них не хотелось это тепло забывать.

* * *

К вечеру небо изменилось.

Над лесом собрались тяжёлые тучи. Свет померк, ветер пробежал по верхушкам деревьев, заставив листья тревожно зашелестеть. Вдали глухо прокатился гром.

Они успели вернуться в убежище до дождя.

Вскоре он набрал силу. Вода застучала по камням и ветвям, по склону побежали ручейки и собрались у входа. Гроза ворчала где-то над лесом, дождь то усиливался, то стихал, а ветер лишь изредка касался ветвей над их укрытием.

Они втащили внутрь сухие ветки и еду.

Мужчина закрыл вход дополнительными ветвями. Женщина подкармливала огонь тонкими щепками.

Когда всё было сделано, они наконец сели рядом.

Дождь продолжался.

Они слушали его, иногда переглядываясь, и впервые за долгое время им не нужно было никуда идти.

Не нужно было искать воду.

Не нужно было проверять звериные следы.

Не нужно было придумывать, что сделать завтра, чтобы не погибнуть сегодня.

Можно было просто сидеть.

— Знаешь, что меня тревожит? — спросила женщина.

— Что?

— Мне иногда кажется, что я начинаю забывать, что мы чего-то не помним.

Он повернулся к ней.

— Объясни.

— Раньше я всё время думала, что у нас должно было быть прошлое. Родители. Дом. Другие люди. Может быть, дети. Какая-то жизнь, которую мы потеряли. А теперь могу целый день не вспоминать об этом.

Она помолчала.

— И мне становится страшно. Будто, если мы перестанем искать прошлое, оно исчезнет окончательно.

Мужчина долго смотрел на огонь.

— А если оно уже исчезло?

— Ты считаешь, что искать не нужно?

— Не знаю. Порой мне кажется, что я обязан. Будто внутри лежит незаконченная работа, которую мне надо довести до конца.

— А порой?

Он посмотрел на неё.

— Порой мне кажется, что я впервые оказался там, где должен быть.

Женщина замерла.

Эти слова что-то задели в ней, глубоко и больно.

На миг ей почудилось, что она их уже слышала. Не здесь. Не у этого огня. В другом месте, в другом времени.

Она увидела свет, уходящий вдаль, и ощутила на лице холодный воздух. Перед ней был проём, то ли дверь, то ли проход, а за ним слепящая белизна.

Потом всё исчезло.

Она моргнула.

Перед ней снова были огонь, дождь и мужчина, который внимательно смотрел на неё.

— Что с тобой?

— Ничего.

Лгать она не хотела. Но не знала, как объяснить то, чего сама не понимала.

— Мне показалось, что я уже слышала эти слова.

— Какие?

— Что ты впервые оказался там, где должен быть.

Он нахмурился.

— Где ты их слышала?

— Не знаю.

Она посмотрела на огонь.

— В этом вся беда. Иногда мне кажется, что я что-то помню. Но стоит попытаться вспомнить по-настоящему, и всё рассыпается.

Мужчина медленно кивнул.

Он не стал уверять её, что это лишь воображение. С ним самим происходило нечто похожее.

Ему снилась дорога, уходящая в свет. Он просыпался с ощущением, что кто-то только что произнёс слово, смысл которого нужно понять. Но стоило открыть глаза, и оставалась лишь тоскливая незавершённость.

— Когда-нибудь мы вспомним, — сказал он.

— А если вспомним и окажется, что мы были совсем другими?

— Тогда узнаем, какими были.

Она повернулась к нему.

— А если тебе не понравится тот человек, которым я была?

Он ответил не сразу.

— Я не могу любить человека, которого не знаю.

Женщина опустила глаза.

— Понимаю.

— Но я могу узнавать тебя сейчас.

Она подняла голову.

— А если прежняя я тебе не понравилась бы?

— Тогда придётся познакомиться и с ней. Если она когда-нибудь появится.

В его голосе не было торжественности. Он не старался произвести впечатление. Просто говорил то, что думал.

Может быть, именно поэтому его слова оказались весомее любых клятв.

Женщина придвинулась ближе.

Их плечи соприкоснулись.

На этот раз никто не стал объяснять это прикосновение холодом или теснотой убежища.

Оба понимали, что происходит.

И оба немного боялись.

Не друг друга.

А того, насколько важным становился другой.

* * *

Дождь шёл до глубокой ночи.

Огонь почти погас, оставив среди углей несколько красных точек. Женщина устала и прислонилась головой к плечу мужчины.

Она собиралась просидеть так всего несколько минут.

Но дыхание её понемногу стало ровным.

Она уснула.

Мужчина не двигался, чтобы её не разбудить.

Он смотрел на тёмный вход и слушал, как вода стучит по камням.

Он мог бы осторожно отодвинуться, уложить её рядом и лечь сам. Но не хотел.

Ему нравилось чувствовать её вес на своём плече. Нрави-

лось знать, что она спит спокойно. Нравилось, что рядом человек, который доверяет ему настолько, что может уснуть в этом чужом мире.

И вдруг он понял простую вещь.

Если бы сейчас ему предложили вернуть всё утраченное: имя, дом, воспоминания, всю прежнюю жизнь, но взамен навсегда потерять женщину, спящую рядом, он не смог бы ответить сразу.

Эта мысль его испугала.

Не потому, что он не хотел вернуть прошлое.

А потому, что впервые у него появилось нечто, чего он ни за что не хотел бы лишиться.

Он посмотрел на её лицо.

Спокойное. Огонь мягко освещал щёку, на лоб упали несколько прядей.

Мужчина осторожно убрал их.

Женщина шевельнулась, но не проснулась.

И тогда он почти беззвучно спросил:

— Кто же ты для меня?

Ответа не было.

Только дождь.

* * *

На рассвете женщина проснулась первой.

Она всё ещё лежала у него на плече. Мужчина спал, прислонившись спиной к стене, и казался непривычно беззащитным.

Она могла бы отодвинуться, не потревожив его.

Но вместо этого какое-то время просто смотрела.

Ей захотелось коснуться его лица.

Желание было таким естественным, что удивило её не сразу.

Она осторожно провела пальцами по его щеке.

Мужчина открыл глаза.

Они оказались совсем близко.

Несколько мгновений оба молчали.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе.

Она не отстранилась.

Он тоже.

Тогда женщина сама наклонилась и коснулась губами его губ.

Поцелуй вышел коротким и немного неловким.

Но когда она отстранилась, мужчина смотрел на неё так, будто пытался понять не само случившееся, а то, почему оно ощущалось одновременно новым и необъяснимо знакомым.

Она, видимо, почувствовала то же.

— Странно, — прошептала она.

— Что?

— Мне кажется, я должна помнить, как это бывает.

Он провёл рукой по её волосам.

— Может быть, ты помнишь не поцелуй.

— А что?

Он задумался.

— То, что чувствуешь рядом с другим человеком.

Она долго смотрела на него.

Потом улыбнулась и снова прижалась к нему.

На этот раз они не пытались объяснить случившееся.

Между ними, быть может, и впрямь была связь, возникшая задолго до пробуждения на берегу. Быть может, это просто тянулись друг к другу двое людей, долго бывших единственными близкими существами в целом мире.

А быть может, некоторым чувствам вовсе не нужны воспоминания, чтобы родиться.

Ответа они не знали.

* * *

Когда они наконец вышли из убежища, утро уже вступило в свои права.

Мир встретил их прохладой и запахом мокрой земли.

Ночной дождь всё переменил. Между камнями бежали тонкие ручьи, листья блестели, а над лесом вдали поднимался туман.

Женщина остановилась у входа и посмотрела на долину.

— Нам нужно идти дальше.

Мужчина взглянул на неё.

— Куда?

— Не знаю. Туда, где мы ещё не были.

Он улыбнулся.

— А если там опасно?

— Тогда вернёмся.

— А если не сможем?

Она повернулась к нему.

— Тогда будем решать вместе.

Он кивнул.

Теперь у них было нечто новое.

Не только убежище.

Не только огонь.

Не только желание выжить.

У них появилось общее будущее, пока маленькое, неясное, без имени и формы.

Когда они двинулись вдоль ручья, женщина на мгновение взяла мужчину за руку.

Он ответил на пожатие.

Впервые они шли вперёд не потому, что другого пути не было.

Они шли, потому что хотели узнать, что ждёт дальше.

И потому, что теперь хотели узнать это вместе.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. За пределами известного

Они ещё долго шли вдоль ручья, не разнимая рук.

Вода переливалась между камнями, раскидывая по берегу солнечные блики. Иногда женщина останавливалась, чтобы рассмотреть что-нибудь у воды, и мужчина терпеливо ждал, глядя, как ветер играет её волосами.

Прежней неловкости между ними больше не было. Они могли просто идти рядом, касаться друг друга, улыбаться без причины. Никто из них пока не пытался назвать то, что с ними происходило, но оба чувствовали: это уже больше, чем привычка быть вместе.

Ручей становился шире. Течение ускорялось, вода шумно огибала корни и каменные уступы. По обе стороны сгущались заросли, а дальше поднимались деревья, каких они ещё не встречали.

Женщина остановилась и посмотрела в сторону леса.

— Давай пойдём дальше, — предложила она. — Посмотрим, куда ведёт ручей. Что там за деревьями, за холмами… Мы так долго живём на одном месте, что привыкли считать нашу долину целым миром.

Мужчина взглянул туда, куда она указывала, и улыбнулся.

— Я тоже об этом думал.

— Тебе не страшно?

Он помолчал.

— Иногда страшно. Но узнать, что там, хочется ещё сильнее.

Она сжала его руку.

— Тогда пойдём.

Они двинулись дальше, всё глубже уходя в лес.

Сначала деревья были им знакомы: высокие стволы, густые кроны, переплетённые ветви. Но чем дальше они уходили от своей долины, тем заметнее менялся лес. Деревья становились выше и массивнее, а стволы такими широкими, что мужчина не смог бы обхватить их руками. По коре расползались причудливые наросты, меж ветвей свисали длинные лианы. Внизу, во влажной земле, росли растения с широкими блестящими листьями, иные по пояс.

Пахло сырой древесиной, прелой листвой и незнакомыми цветами.

Женщина то и дело замедляла шаг. Взгляд её перебегал с растения на растение, задерживался на ярких цветах, на необычных листьях, на мелких насекомых, перелетавших с ветки на ветку.

— Посмотри, — тихо сказала она.

На тонком стебле раскрывался цветок необычной формы. Лепестки его были светлые, почти прозрачные, а в сердцевине мерцали крошечные капли влаги.

Она наклонилась, чтобы рассмотреть его поближе.

— Я никогда такого не видела.

— Здесь, наверное, много такого, чего мы ещё не знаем, — ответил мужчина.

Она выпрямилась и огляделась.

— Иногда мне кажется, что этот мир бесконечен.

— Он, наверное, гораздо больше, чем мы можем представить.

Они пошли дальше.

В глубине леса зашуршало. Мужчина остановился и слегка заслонил женщину собой. Из зарослей показалось небольшое животное с вытянутой мордочкой и большими настороженными глазами. Оно замерло, разглядывая чужаков, потом метнулось между корнями и пропало.

Женщина улыбнулась.

— Оно нас испугалось.

— Или просто не знает, кто мы такие.

— Мы и сами этого не знаем, — негромко ответила она.

Он посмотрел на неё, но промолчал.

Чуть дальше они увидели несколько животных, похожих на оленей, но с более короткими ногами и необычно изогнутыми рогами. Те паслись на небольшой поляне, время от времени поднимая головы и вслушиваясь в лес. Заметив людей, насторожились и скрылись среди деревьев.

Женщина долго смотрела им вслед.

— Как много здесь жизни. Всё это было рядом с нами, а мы и не знали.

Мужчина убрал с её лица прядь волос.

— Теперь знаем немного больше.

Она улыбнулась и снова взяла его за руку.

Чем дальше они шли, тем реже становились деревья. Между стволами открывались просветы, земля поднималась вверх.

Лес редел.

Сперва стало больше света. Потом деревья расступились и открыли пространство, которого они никак не ждали.

Перед ними лежала огромная долина.

Они остановились почти одновременно.

Внизу среди зелёных равнин вилась широкая река. Её воды сверкали на солнце, огибая лесные массивы и убегая за горизонт. По берегам тянулись открытые просторы, поросшие высокой травой, а дальше вновь темнели леса, густые, местами почти непроходимые.

На равнине двигались стада крупных животных. Издали они казались тёмными пятнами, но даже отсюда было видно, какие это громадные существа.

А за долиной, на самом горизонте, вставали горы.

Вершины тонули в лёгкой дымке. Одни склоны поросли лесом, другие стояли голые и суровые. Самые высокие пики уходили в облака, как будто принадлежали уже другому миру.

Долина, которую они увидели в тот далёкий день с опушки, теперь казалась лишь ступенью, первым шагом к чему-то

гораздо большему.

Женщина медленно шагнула вперёд.

Она смотрела на открывшуюся землю и не могла оторвать глаз.

— Вот это… — выдохнула она.

Мужчина стоял рядом и не пытался нарушить её молчание.

Ветер свободно шёл над долиной, шевелил траву на склонах и приносил снизу запах воды и земли. Где-то далеко кричала птица. Над рекой кружили несколько огромных крылатых существ, а у самой воды двигались животные.

Женщина повернулась к мужчине.

— Ты понимаешь, что мы могли никогда этого не увидеть?

— Понимаю.

— Мы думали, что знаем этот мир. Знаем лес, ручей, нашу долину… А здесь столько всего. Такие места вообще бывают.

В её голосе звучало неподдельное восхищение. Она смотрела на землю так, будто впервые поняла, насколько та велика.

— Мне хочется увидеть всё, — продолжала она. — Пройти по тем берегам, дойти до гор, узнать, что за ними. Увидеть, какие ещё места от нас прячутся.

Мужчина улыбнулся.

— Значит, нам предстоит много путешествовать.

— Очень много.

Она снова посмотрела вдаль. В её глазах отражались река, леса и далёкие горы.

— Я даже не знала, что мир бывает таким прекрасным.

Он осторожно обнял её за плечи.

Они долго стояли молча. Ему нравилось видеть её такой: увлечённой, удивлённой, полной желания узнавать. В такие минуты она казалась особенно живой. И он поймал себя на том, что хочет запомнить не только эти места, но и то, как она на них смотрит.

— Знаешь, — сказала женщина, — мне кажется, мы всё-таки не одни.

Мужчина повернулся к ней.

— Почему ты так думаешь?

Она не сразу ответила. Взгляд её скользил по далёким лесам, по открытым равнинам, по берегам реки.

— Не знаю. Просто чувство. Мне иногда кажется, что где-то там есть кто-то ещё. Другие люди.

— Мы уже говорили об этом.

— Да. Но когда я вижу, какой огромный этот мир, мне всё труднее поверить, что на всём этом пространстве только мы двое.

Она посмотрела на него.

— Я очень надеюсь, что мы не одни. Хочется верить, что где-то здесь есть другие люди. Что однажды мы встретим кого-нибудь, поговорим, узнаем, как они живут.

— А если они окажутся не такими, как мы?

Женщина задумалась.

— Не знаю. Они могут быть другими. У них свои привычки, свой способ говорить, свои представления о мире. Но мне всё равно хочется, чтобы они были.

— Ты не боишься этой встречи?

Она едва заметно улыбнулась.

— Боюсь. Но одиночество тоже страшно. Иногда сильнее.

Мужчина посмотрел на далёкие леса.

Он не знал, что их там ждёт. Не знал, есть ли за этими деревьями люди и каковы они. Но в глубине души и ему хотелось однажды услышать человеческий голос, кроме её собственного.

— Может быть, мы их найдём, — сказал он.

— Или они найдут нас.

Она произнесла это почти шёпотом, будто сама мысль о такой встрече наполняла её надеждой.

Они ещё долго стояли на склоне. Женщина старалась запомнить каждую подробность: изгиб реки, светлые полосы песка у воды, тёмные пятна лесов, далёкие вершины. Ей казалось, что она могла бы провести здесь весь день, просто глядя на эту землю.

Но солнце начало опускаться.

Мужчина первым заметил, как вытянулись тени на склоне.

— Пора возвращаться. До темноты нужно успеть к убе-

жищу.

Женщина взглянула на небо, потом с сожалением на долину.

— Не хочется уходить.

— Мы вернёмся.

— Обещаешь?

Он посмотрел на неё.

— Обещаю.

Она улыбнулась и крепче сжала его руку.

Обратная дорога оказалась длиннее, чем они думали. Лес стал другим: солнце пробивалось сквозь кроны под низким углом и золотило стволы длинными полосами. В зарослях чаще слышались шорохи, птицы одна за другой возвращались к гнёздам.

Несколько раз они останавливались, вслушиваясь в незнакомые звуки. Но ничего опасного не происходило.

Когда между деревьями наконец показались знакомые очертания их долины, женщина заметно расслабилась.

Они вернулись к убежищу перед самой темнотой.

Вечером разожгли огонь и сели рядом. После долгого пути усталость давала о себе знать. Женщина сидела, обхватив колени руками, и время от времени поднимала глаза на пламя. Мужчина был рядом, то и дело касаясь её плеча или ладони.

— Я всё ещё вижу перед собой ту долину, — сказала она.

— Я тоже.

— Особенно реку. И горы… Они такие далёкие, что трудно представить, сколько нужно времени, чтобы до них дойти.

— У нас будет время.

Она повернулась к нему.

— Мне нравится думать, что впереди нас ждёт столько всего.

Он улыбнулся.

— Главное, чтобы мы шли вместе.

Она ничего не ответила. Только придвинулась и положила голову ему на плечо.

Огонь гас. За стенами убежища лес погружался в темноту, и долину снова наполняли привычные ночные звуки.

Они посидели ещё немного, потом легли и вскоре уснули.

Они не знали, что в глубине древнего леса, далеко от их убежища, на долину смотрела неподвижная фигура.

Она стояла среди деревьев, почти сливаясь с тёмными стволами, не двигаясь и не издавая ни звука. Лишь спустя долгое время незнакомец медленно отступил в тень и исчез.

А далеко за долиной, там, где лес подходил к подножию холмов, поднимался в темнеющее небо тонкий столб дыма.

Он был едва заметен, слишком слаб и далёк, чтобы его можно было разглядеть из их убежища.

Мир, который ещё недавно казался безлюдным, уже хранил чьё-то присутствие.

И теперь они были не единственными, кто смотрел на эту долину.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.
Голос издалека

Тишина окружала её со всех сторон.

Она не знала, где находится и сколько времени прошло с тех пор, как она здесь оказалась. Всё вокруг было смутным, будто скрытым за тонкой пеленой. Но бояться ей почему-то не хотелось. Она чувствовала, что должна оставаться здесь и ждать.

И тогда она услышала голос.

Сначала едва различимый, тихий, далёкий, неуловимый. Казалось, кто-то произнёс что-то совсем рядом, но слова растаяли прежде, чем она успела их понять.

Она замерла.

Голос прозвучал снова.

Кто-то звал её.

Не по имени, но в этом зове было нечто, от чего сердце сжалось. Что-то родное, давно забытое.

Она оглянулась, пытаясь увидеть говорившего, но вокруг никого не было. Только ощущение чьего-то присутствия. Чьего-то ожидания.

Она хотела ответить, но не смогла издать ни звука.

И снова услышала зов.

Теперь ей почудилось, что зовут не только её. Что где-то

далеко ждут обоих. Что голос обращён к ним двоим, хотя она не могла объяснить, откуда взялась такая уверенность.

Внутри поднималось странное чувство, тревожное и светлое одновременно. Ей хотелось идти навстречу голосу, приблизиться, наконец увидеть того, кто зовёт. И вместе с тем она боялась, что один лишний шаг потеряет его навсегда.

Она протянула руку, надеясь коснуться невидимого собеседника.

Голос прозвучал ещё раз, совсем тихо, почти шёпотом.

А потом исчез.

Женщина проснулась.

Она резко вдохнула и несколько мгновений лежала неподвижно, слушая собственное дыхание. Сердце билось так, будто она и вправду куда-то бежала. Вокруг была темнота убежища, рядом спокойно спал мужчина, а за стенами из веток и камней шумел ночной лес.

Всё было на своих местах.

Она закрыла глаза, пытаясь снова услышать голос, но осталось лишь смутное воспоминание о нём. Слова исчезли, если они вообще были. Но чувство родства, ожидания и странной близости не уходило.

Где-то далеко был кто-то, кто знал об их существовании.

Кто-то, кто ждал.

Она повернулась к спящему мужчине и долго смотрела на него, боясь нарушить его сон. Потом осторожно коснулась его руки.

До рассвета она так и не заснула.

* * *

Когда мужчина проснулся, женщина уже стояла у входа. Она смотрела туда, где за деревьями лежала долина. Утренний свет медленно просачивался сквозь листву, но она, кажется, его не замечала.

Он поднялся и подошёл.

— Ты не спала?

Она покачала головой.

— Почти нет.

Он взглянул на её лицо. Привычного спокойствия в нём не было. Она всё ещё была далеко отсюда и прислушивалась к тому, чего он не мог слышать.

— Что-то случилось?

Женщина медленно повернулась к нему.

— Мне нужно тебе кое-что рассказать. Только не перебивай, пожалуйста. Я и сама пока не понимаю, что со мной.

Он молча кивнул.

Она рассказала про голос из сна. О том, как он возник из тишины и звал её снова и снова, не произнося ни одного понятного слова. О странном чувстве, будто где-то есть тот, кого она давно знает, хотя не помнит ни лица, ни имени. И о том, что в какой-то миг ей показалось: зовут не только её.

— Нас обоих, — закончила она. — Не могу объяснить, откуда я это знаю. Но во сне я была уверена, что нас ждут.

Мужчина помолчал.

— Ты думаешь, это воспоминание?

— Не знаю. Может быть. А может, что-то совсем другое. Но я проснулась с ощущением, что должна идти туда.

Она указала на долину.

— Туда, за реку. Дальше, насколько хватит сил. Мне кажется, мы ещё не дошли до места, куда должны прийти.

Он посмотрел в ту сторону.

— Но это же просто сон, — сказал он.

Слова прозвучали уверенно. Но сам он задумался.

В последнее время и с ним творилось что-то странное. Перед глазами всплывали образы, которых он не мог объяснить. Обрывки чего-то далёкого, стёртого, будто память пыталась вернуть ему утраченное. Он не знал, настоящие ли это воспоминания или лишь игра сознания, измученного неизвестностью.

Он хотел сказать, что не стоит придавать сну такого значения. Но не смог.

Внутри шевельнулось знакомое тихое, настойчивое чувство. Оно не давало отмахнуться от её слов. В том, в чём она была уверена, он уверен не был, но всё сильнее ощущал, что её желание идти дальше не случайно.

— Я не знаю, что это значит, — сказал он тише. — Мне тоже иногда кажется, что я что-то вспоминаю. Что-то, чего не могу разглядеть целиком.

Женщина внимательно посмотрела на него.

— И ты никогда не думал, что это связано с тем, что с

нами произошло?

Он ответил не сразу.

— Думал. Но стоит ухватиться за эти образы, они исчезают.

— А если мы найдём то, что поможет нам вспомнить?

Мужчина снова посмотрел на долину. Впервые ему показалось, что желание женщины идти дальше не так уж далеко от того, что происходило в нём самом.

— Ответы, может быть, там, — сказал он. — За пределами того, что мы уже знаем.

Женщина сделала несколько шагов. Он пошёл рядом.

— С тех пор как мы здесь оказались, — сказала она, — мы думали только о том, как прожить следующий день. Где взять воду, что есть, как укрыться от дождя и пережить холод. И я благодарна этому месту. Здесь мы выжили. Здесь многому научились. Здесь…

Она замолчала и посмотрела на него.

— Здесь мы нашли друг друга.

Он ничего не ответил, но крепче сжал её руку.

— Мне страшно уходить, — продолжила она. — Не потому, что я боюсь неизвестности. Хотя и этого, наверное, тоже. Просто теперь нам есть что терять. Есть место, куда мы возвращаемся. Есть жизнь, которую мы сумели построить. Но я чувствую: она не должна кончиться здесь.

— Ты боишься, что если мы не уйдём сейчас, то не найдём того, кто нас звал?

Она остановилась.

— Да. Именно этого я и боюсь.

Мужчина посмотрел на далёкую линию гор. За долиной лежали земли, которых они никогда не видели. Там могли быть другие реки, леса, горы. Могли быть люди. А могли быть только новые опасности.

— Мы не знаем, что за этими горами, — сказал он. — Не знаем, сколько дней придётся идти и что будет, когда кончится еда. Здесь мы хотя бы научились жить.

— Я знаю.

— И всё, что мы построили, придётся оставить.

Женщина опустила глаза. Лицо её на миг изменилось, будто эти слова коснулись чего-то очень дорогого.

— Мне тоже больно об этом думать. Но разве можно остаться лишь потому, что нам стало привычно?

Она снова посмотрела на долину.

— Я не хочу когда-нибудь оглянуться и понять, что мы побоялись сделать шаг. Что где-то там были ответы, люди, может быть, даже те, кого мы искали, а мы так и не решились их найти.

Он подошёл ближе.

— Ты говоришь так, будто уже слышишь их.

— Нет. Я слышу только тот голос. И чем сильнее пытаюсь вспомнить его, тем яснее чувствую, что должна идти.

Она повернулась к нему. Теперь в её взгляде была не только тревога, но и почти отчаянная просьба.

— Не знаю, что ждёт нас впереди. Но знаю, что не хочу идти туда без тебя.

Мужчина долго смотрел на неё. Он видел, что это не прихоть и не простое желание увидеть новые земли. Что-то изменилось в ней за эту ночь. И, может быть, не только в ней.

Он вспомнил вчерашнюю долину. Широкую реку, бескрайние просторы, далёкие горы. Вчера они смотрели на неё как на прекрасный мир, который можно изучать понемногу, возвращаясь каждый вечер в своё убежище. Теперь за этой красотой открывался путь, от которого неизвестность было не отделить.

— Если мы уйдём, — сказал он наконец, — вернуться может оказаться гораздо труднее, чем нам кажется.

— Понимаю.

— Мы не знаем, найдём ли людей. А если найдём, примут ли они нас.

— Понимаю, — повторила она тише. — Но я всё равно хочу попробовать.

Он опустил глаза, потом снова посмотрел на неё.

— Тогда мы пойдём вместе.

Женщина не сразу ответила. Она ждала этих слов, но, услышав их, вдруг ощутила всю тяжесть того, на что они решились.

Она взяла его за руку.

— Значит, пойдём вместе.

— Да. Но сначала подготовимся. Понадобятся вода, еда

и что-нибудь для защиты. Мы не знаем, что встретится на пути.

Женщина кивнула. Впервые за это утро её лицо смягчилось.

— Только давай не будем затягивать.

— Не будем.

Они ещё постояли, глядя в сторону леса. Тот мир казался теперь совсем другим. Не просто красивым местом за пределами знакомой земли, а границей между жизнью, которую они уже знали, и той, что могла начаться впереди.

* * *

В течение дня они не раз возвращались к разговору о путешествии.

Они не хотели идти наугад. Мужчина предложил сначала ещё раз осмотреть местность за долиной и выбрать направление. Широкая река могла стать ориентиром, но следовать вдоль неё бесконечно было нельзя: рано или поздно придётся искать переправу или другой путь. Женщина предположила, что за горами могут лежать другие долины и реки. Мужчина согласился, но напомнил, что расстояние обманчиво: то, что с высоты кажется близким, может отнять несколько дней пути.

— Воду придётся брать с собой, — сказала она.

— И еду. Но много не унесём.

— Значит, будем искать по дороге.

— И внимательно смотреть, что собираем. Ошибиться мы

не можем.

Они прикидывали, как долго смогут идти без отдыха, где лучше ночевать и что делать, если испортится погода. Женщина предложила держаться воды, пока будет возможно: так у них останется питьё, а у реки, вероятно, найдётся и еда.

Постепенно разговор перестал казаться отвлечённым. Они уже не просто мечтали о далёких землях, а обдумывали дорогу, оценивали силы и готовились к тому, что могло ждать впереди.

Иногда женщина замолкала и смотрела вдаль. Мужчина замечал это и не задавал вопросов. Он понимал, что её решение вызвано не одним любопытством. В том сне было что-то, чего она не могла объяснить даже себе.

Ближе к вечеру они вышли из убежища. Солнце опускалось за деревья, окрашивая верхушки в тёплые золотистые тона. Женщина остановилась на краю поляны и взглянула в сторону долины.

— Как думаешь, если мы найдём людей, они обрадуются нам?

Мужчина встал рядом.

— Не знаю.

— А если испугаются?

— Тогда нам придётся показать, что мы не хотим зла.

Она задумалась.

— Мне бы хотелось с кем-нибудь поговорить. Узнать, как они живут. Есть ли у них такие же воспоминания, как у нас,

или они тоже ничего не помнят.

— У них, может быть, найдутся ответы, которых нет у нас.

— А если нет?

— Тогда будем искать дальше.

Она повернулась к нему и улыбнулась. В этой улыбке было что-то новое: не только нежность, но и предвкушение. Впервые за долгое время перед ними стояла цель, выходящая за пределы необходимости просто пережить день.

Мужчина коснулся её плеча.

— Что бы ни ждало нас там, мы будем вместе.

— Я знаю.

Она прижалась к нему, и они долго стояли молча, глядя на гаснущий над долиной свет.

Вечером они вернулись в убежище и сели у огня. Привычное потрескивание веток успокаивало, но мысли обоих были уже далеко.

Женщина долго смотрела на пламя.

— Мне всё ещё кажется, что тот голос был настоящим, — тихо сказала она.

— Я верю, что ты его слышала.

— Но не веришь, что нас кто-то звал?

Мужчина помолчал.

— Не знаю, во что верить. Знаю только, что мы должны выяснить, что за этой долиной.

Она повернулась и положила голову ему на плечо.

Огонь угасал, оставляя на стенах убежища дрожащие те-

ни. За пределами их маленького укрытия лежала огромная земля, полная жизни и тайн. И где-то там, за рекой, лесами и далёкими горами, могло быть то, ради чего они решились оставить единственное место, которое успели назвать домом.

Что именно они найдут, они ещё не знали.

Но теперь оба были готовы искать.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.
За пределами убежища

Первые лучи солнца коснулись входа в убежище, пробрались сквозь переплетение ветвей и легли на каменный пол.

Мужчина открыл глаза. Несколько мгновений он лежал неподвижно, слушая, как просыпается лес. После долгих дней тревоги и усталости он впервые чувствовал себя по-настоящему отдохнувшим. Боль в теле почти ушла, дыхание было ровным, а мысли ясными.

Рядом проснулась женщина.

Она повернулась к нему, и их взгляды встретились. В её глазах ещё жила сонная мягкость, но стоило вспомнить, какой нынче день, и лицо её изменилось.

Сегодня они уходили.

— Кажется, мы выспались, — тихо сказала она.

— Давно я так хорошо не спал.

Она улыбнулась и поднялась.

— Тогда не будем терять утро.

Сборы вышли недолгими. Вещей, которые можно было взять с собой, у них почти не было. Всё необходимое они носили в памяти: где найти воду, какие плоды можно есть, какие растения лучше обходить стороной.

Женщина пошла к зарослям неподалёку. Выбрала

несколько знакомых плодов, осмотрела каждый и сложила в связку из широких листьев. Одни были мягкие и сочные, другие плотные, и их можно было сохранить на несколько часов пути.

Потом сорвала несколько крупных листьев с гладкой поверхностью и прочными краями. Сложила их, переплела и получилось подобие небольшого сосуда. Долго воду он держать не мог, но для первых часов пути годился.

Мужчина тем временем осматривал землю у каменистого склона. Среди прочих камней он выбрал несколько острых: один плоский, удобный для руки, другой с заострённым выступом. Проверил их на прочность, провёл большим пальцем по краю и отложил те, что могли пригодиться.

Потом нашёл крепкую прямую палку, достаточно длинную, чтобы держать на расстоянии небольшого зверя, и достаточно прочную, чтобы выдержать сильный удар. Он очистил её от сучков и заострил конец о камень.

Когда женщина вернулась, он уже закончил.

— Думаю, на первое время хватит, — сказал он, показывая палку.

Она осмотрела её внимательно.

— Надеюсь, проверять в деле не придётся.

— Я тоже.

Женщина положила рядом плоды и свой сосуд из листьев.

Они оглядели собранное. Воды было немного. Еды тоже. Но взять больше они не могли: идти предстояло пешком, и

каждая лишняя вещь стала бы тяжестью.

Мужчина посмотрел на небо.

— Нужно выходить, пока не стало жарко.

Женщина кивнула.

Но прежде чем сделать первый шаг, она обернулась к убежищу.

* * *

Оно стояло перед ними таким же, каким было всегда: неровные камни, переплетённые ветви, сухая трава у входа. Ничего особенного. Со стороны это мог быть случайный уголок среди деревьев, где прячутся от дождя и ветра.

Но для них оно значило гораздо больше.

Здесь они пережили холодные ночи, голод, ливни и страх перед тем, что скрывалось за пределами видимого. Здесь мужчина обжигал ладони, добывая огонь, а женщина помогала ему, несмотря на усталость. Здесь они делили последние плоды, ухаживали друг за другом во время болезни и ждали рассвета после тревожных ночей.

Эти камни и ветви стали их первым домом.

Женщина медленно подошла ко входу. Провела ладонью по одному из камней, будто хотела запомнить его шероховатость.

— Странно, — сказала она. — Когда мы здесь оказались, я мечтала найти место получше. Мне казалось, что это убежище временное и однажды мы обязательно отсюда уйдём.

Мужчина встал рядом.

— А теперь уходить труднее, чем я думал.

Она посмотрела на него.

— Здесь мы научились жить.

— И многое пережили.

Женщина опустила глаза. Ей вспомнилась их первая ночь: темнота, холод, непривычные звуки за стенами. Тогда они почти не знали друг друга. Не понимали, можно ли доверять тому, кто рядом, и что ждёт их утром.

Теперь всё было иначе.

Она больше не боялась остаться с ним наедине в чужом мире. Мысль о том, что впереди их ждёт дорога, которую они пройдут вдвоём, давала ей силы.

Но стены, казалось, тихо прощались с ней, и от этого щемило сердце.

— Не хочу забывать это место, — сказала она.

— Не забудем.

Он осторожно обнял её за плечи.

Они постояли у входа, позволив себе последние минуты тишины. Потом мужчина взял палку, женщина подняла свёрток с плодами, и они отошли от убежища.

Никто не оглянулся сразу.

Но когда деревья начали скрывать знакомые камни, женщина всё-таки остановилась.

Она посмотрела назад ещё раз.

Убежище почти скрылось в зелени. Казалось, оно всегда было частью этого леса и останется здесь, когда они уйдут.

— Пойдём, — тихо сказал мужчина.

Она кивнула.

И они двинулись дальше.

* * *

Сначала дорога была знакомой.

Они шли по тропе, по которой раньше возвращались с прогулок. Земля хранила влагу недавних дождей, под ногами мягко пружинила трава. Солнце постепенно проникало вглубь леса, будило птиц и мелких зверьков.

Женщина шла рядом с мужчиной, то и дело останавливаясь, чтобы рассмотреть незнакомое растение или прислушаться к звукам впереди.

Теперь они смотрели на мир иначе. Раньше лес был местом, где можно найти пищу и кров. Теперь он стал дорогой, ведущей к неизвестному.

Когда деревья начали редеть, перед ними снова открылась долина.

Широкая река блестела на солнце. На том берегу виднелись открытые участки земли, перемежавшиеся лесными зарослями. Далеко впереди поднимались горы, вершины которых терялись в лёгкой дымке.

Женщина остановилась.

— Отсюда всё кажется таким близким.

Мужчина проследил за её взглядом.

— А когда пойдём, окажется иначе.

— Ты всегда умеешь вернуть меня на землю.

— Кто-то же должен.

Она тихо рассмеялась.

Но улыбка скоро погасла. Перед ними лежала огромная земля, и пройти по ней им предстояло не ради прогулки, а потому, что они сами выбрали этот путь.

Они направились к реке.

Спуск оказался круче, чем они думали. Местами приходилось хвататься за корни, обходить камни и продираться сквозь заросли. Женщина несколько раз поскользнулась на влажной земле, и мужчина подхватывал её.

У самой воды они остановились напиться и передохнуть.

Река была широкая и неспешная. У берега вода казалась прозрачной, но дальше темнела, скрывая глубину. Женщина опустилась на колени, зачерпнула воду ладонями и умылась.

— Как думаешь, мы сможем её перейти?

Мужчина посмотрел вдоль берега.

— Здесь нет. Слишком глубоко. Надо искать место, где течение спокойнее и вода мельче.

— Значит, пока идём вдоль неё?

— Да. Вода нам всё равно понадобится.

Они наполнили сосуд из листьев и продолжили путь.

* * *

Солнце поднялось выше, и идти стало труднее.

Поначалу они двигались быстро, но земля под ногами менялась. Мягкая почва сменялась каменистыми участками, потом опять появлялась трава, пряча неровности. Приходи-

лось обходить заросли, подниматься по небольшим склонам.

Мужчина старался выбирать дорогу полегче, но не всегда это удавалось.

К полудню женщина начала уставать. Она всё чаще замедляла шаг, а однажды остановилась и прислонилась ладонью к стволу.

Он сразу заметил.

— Присядем?

Она кивнула.

Они устроились в тени. Он достал несколько плодов, и они разделили их. Еда была простой, но после нескольких часов пути казалась особенно вкусной.

Женщина медленно жевала, глядя на реку.

— Я думала, что мы пойдём быстрее.

— Мы только начали.

— А мне уже хочется сесть и больше не вставать.

Он улыбнулся.

— Значит, пора передохнуть.

Она посмотрела на него.

— Ты тоже устал.

— Конечно. Просто стараюсь не показывать.

— Зачем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.